

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Аста Ла Виста, беби!

Ловить киллера «на живца» на самое подходящее занятие для очаровательной девушки. Но у Ольги Рязанцевой просто нет выхода.

Ольга Рязанцева

Татьяна Полякова
Аста ла виста, беби!

«ЭКСМО»

2005

Полякова Т. В.

Аста ла виста, беби! / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2005 — (Ольга Рязанцева)

ISBN 978-5-699-22128-8

Ловить киллера «на живца» не самое подходящее занятие для очаровательной девушки. Но у Ольги Рязанцевой просто нет выхода. Убийца, прибывший в ее родной город, явно охотится на одного из двух дорогих ей людей. Самое печальное, что оба любят ее, так что и тот и другой попросту могли «заказать» соперника. Эта жгучая интрига категорически не нравится Ольге. Вот ей и приходится вступать в мир опасных мужских игр. Хорошо, хоть случайный знакомый – симпатичный и мужественный Стас – всегда вовремя приходит ей на помощь. Без него она давно бы пропала. Но почему-то Ольгу не оставляет смутное подозрение, что этот загадочный Стас, во-первых, когда-то встречался в ее жизни, а во-вторых, что, несмотря на свое обаяние, он очень опасный парень...

ISBN 978-5-699-22128-8

© Полякова Т. В., 2005

© Эксмо, 2005

*И где-то хлопнет дверь,
И дрогнут провода.
Привет, мы будем счастливы теперь
И навсегда.*

Я сидела в баре и тратила время на самое бестолковое в мире занятие: пыталась отыскать в жизни смысл. Нет, не в нашем пребывании на этой планете, так далеко я не замахивалась, а в своей собственной. То ли я плохо искала, то ли он был запрятан так, что не докопаешься, но я его не видела и почему-то здорово переживала из-за этого, хотя давно могла бы привыкнуть. Передо мной стояла чашка с капучино, хотя мне отчаянно хотелось напиться. Но по опыту я знала, что это не поможет. Оттого и смысл жизни искала на трезвую голову, что, по определению, было просто бесперспективно.

– Придется жить без него, – констатировала я, взглянула на часы и убедилась: на глупое времяпрепровождение ушло полтора часа. Давно пора отправляться домой, но этого как раз делать мне не хотелось.

Собственно, именно потому, что дом некоторое время назад перестал быть моей крепостью, я и сидела в баре, занимаясь всякими глупостями.

– Надо ехать, – вздохнула я и непроизвольно поморщилась, а потом опять вздохнула: все в моей жизни было не так и неладно, как любит выражаться моя подруга Юлька, и, похоже, сделать с этим я ничего не могу.

Я уже взяла сумку, но вместо того, чтобы встать и уйти, подозвала официанта и попросила принести еще кофе. Был бы рядом Сашка, мы смогли бы поговорить об отсутствии у меня силы воли, но мой пес в настоящее время, скорее всего, прогуливается с Тагаевым. Как-то так вышло, что теперь это не моя собака, а наша. Почувствуйте разницу... «Я ревную свою собаку», – с грустью подумала я, придвигая чашку кофе поближе и вооружившись ложкой.

Кофе был мне не нужен. Я сама себе не нужна. Настроение ни к черту, но придется как-то пережить это. Скверно то, что подобное настроение в последнее время успешно перешло в разряд хронических. Не могу сказать, что, к примеру, полгода назад я смотрела на мир с восторгом. Восторги оставили меня довольно давно, но все-таки в этой жизни я все еще находила что-то приятное. Например, прогулки с Сашкой. Теперь мы прогуливались втроем, и ничего приятного для меня в этом не было. Опять же, выпивка в дружеской компании и... Приехали. Все, чего я лишилась, – это сидение дома в обществе все того же Сашки и вечерние прогулки в парке опять же с ним. Выходит, как не было смысла в моей жизни, так и не будет, не стоило и искать.

Я досадливо поморщилась и вновь собралась покинуть бар, но тут в поле моего зрения возник господин Ларионов. Я приросла к стулу и даже слегка вжала голову в плечи, надеясь, что он меня не заметит. Не скажу, что встреча с ним была для меня особо неприятной. Просто я находилась в том состоянии духа, когда слово сказать и то лень, а с Ларионовым одним словом не обойдешься, так что лучше пусть идет подобру-поздорову, главное, мимо.

Ларионов – начальник охраны Деда, а Дед в наших краях царь и бог, и это еще мягко сказано, а я при нем... затрудняюсь ответить кто. Когда-то была замом по связям с общественностью и по совместительству любовницей. Теперь вроде бы тоже зам, но без совместительства. Говорю «вроде бы», потому что официально я числюсь в долгосрочном отпуске и мой кабинет, по слухам, занял кто-то другой. Но Дед по старой памяти трижды в неделю зовет меня в дом с колоннами, я предстаю перед ним и получаю какое-нибудь задание. Не слишком сложное и подчас совершенно никчемное, но сие необходимо, чтобы я помнила, что он все еще мой работодатель, а Дед был уверен, что я об этом не забыла.

Я думаю, кабинет бы мне охотно вернули, если бы не одно обстоятельство: в настоящее время я делю кров с Тимуром Тагаевым. И хоть Дед рука об руку с Тимуром повышает свое благосостояние (в его интерпретации это звучит «отложить на старость»), однако до сих пор

не может простить мою выходку. То есть то, что я не придумала ничего умнее, как закрутить роман с Тагаевым. Данная связь, с точки зрения общественности, порочит мою честь и достоинство, а так как, оскорбляя лошадь, мы, как известно, оскорбляем ее хозяина, то достоинство Деда тоже находится под угрозой. Оттого-то в доме с колоннами я появлялась, когда мне вздумается (точнее, когда вздумается Деду), хотя регулярно получала зарплату в голубом конвертике.

С Ларионовым мы друг друга терпеть не могли. После встречи с моим приятелем по фамилии Лукьянов, который без всякого почтения отнесся к должности Ларионова, в результате чего тот недосчитался нескольких зубов, его нелюбовь ко мне должна была бы выйти из берегов, но, странное дело, Ларионов заметно подобрел ко мне. Может, решил, что, не присутствуя я при том историческом событии, зубов бы и вовсе не осталось. Кстати, его догадка не лишена оснований.

Но, несмотря на его симпатию, неизвестно откуда взявшуюся, я к нему ответными чувствами не воспылала и продолжала считать его гнидой. Эта мысль отчетливо читалась на моем лице, и с этим тоже ничего нельзя было поделать. Оттого-то я и надеялась, что Ларионов пройдет мимо, не обратив на меня внимания, или у него хватит ума сделать вид, что он не обратил внимания.

Однако все-таки интересно, что ему понадобилось в кафе. Он был в одиночестве, а кафе не то место, где ему нравилось проводить досуг. Насколько мне известно, он предпочитает казино. Выходит, у него здесь назначена встреча.

Я быстро огляделась. Кафе маленькое, за столом у окна две девушки, напротив компания из четырех человек, за соседним столом молодая мамаша угощает свое чадо мороженым. Никого подходящего. Не считая меня. Так и оказалось. Ларионов шел ко мне, хотел улыбнуться, но вдруг передумал и нахмурился.

– Привет, – кивнул он, пододвинул стул, помедлил и спросил: – Можно?

– Отчего нет, стул принадлежит заведению, – не очень вежливо заметила я. Появление Ларионова мне не понравилось, а еще и озадачило.

– Настроение скверное? – усмехнулся он, но поспешно убрал усмешку, потому что в долгу я не осталась.

– Конечно, скверное, раз я вижу тебя.

– Скажи на милость, почему мы не можем поговорить как нормальные люди? – спросил он с досадой.

– Не можем, – согласно кивнула я. – И ты знаешь почему.

– В конце концов, мы в одной команде, – напомнил он. – Бывают случаи, когда следует забыть старые распри и объединиться.

– Звучит многообещающе, – еще больше насторожилась я и даже почувствовала смутное беспокойство. – Так что такого стряслось в нашей богадельне?

Ларионов поморщился, достал сигареты и вновь обратился ко мне:

– Не возражаешь, если я закурю?

– На здоровье, – съязвила я.

– А ты?

– А я внимаю предостережению Минздрава.

– Завидую твоей силе воле.

– Я ей тоже завидую, – согласилась я, Ларионов покачал головой, закурил и некоторое время пребывал в молчании, хмурился, разглядывал сигарету в своих руках и вроде бы забыл обо мне, чему я не препятствовала. Хотя Ларионов и сумел меня заинтриговать, однако беседовать с ним по душам в мои планы не входило. В основном потому, что я сильно сомневалась в наличии у него этой самой души. Следовательно, он будет врать и вкручивать, причем не просто так, а с какой-то целью. У меня же вовсе нет желания разгадывать его ребусы, к тому же

я поклялась самой себе, что больше никто никогда не сможет втравить меня в свои делишки. Я буду мудрой и стойкой и заранее плевать хочу на все, что он вознамерился мне сказать.

– Ты не в курсе, у Деда есть проблемы? – вдруг огорошил он меня своим вопросом.

Задай этот вопрос кто-либо другой, я бы просто посмеялась, но слышать такое от Ларионова... Прежде всего о проблемах Деда, ежели они имеются, он просто обязан знать по долгу своей службы. И уж вовсе нелепо задавать подобный вопрос мне, потому что рассчитывать на мою откровенность он мог так же, как я на то, что он грудью закроет меня в перестрелке, при условии, что таковая, не дай бог, случится. То есть в этом вопросе не было никакого смысла, и я сочла его риторическим, просто как вступление к разговору.

Однако Ларионов выжидающе взирал на меня и вроде бы даже был слегка смущен.

– Может, он сказал тебе то, что не счел нужным сообщить мне? – вновь спросил он. Я изобразила удивление.

– Шутишь?

– Детка... извини, – поправился он и даже крякнул от досады, а может, просто вспоминал, как меня зовут на самом деле. Должно быть, вспомнил, потому что сказал: – Ольга... – вздохнул и задумался, затем перегнулся через стол ближе ко мне и перешел на шепот: – Я в затруднительном положении. Ты же знаешь Деда, его просто так не спросишь. Вроде бы у нас все спокойно, но кое-что... Вот я и подумал...

– Что я начну с тобой откровенничать? – искренне удивилась я.

– Речь идет о его безопасности. Или она тебя больше не интересует?

– Кто у нас начальник охраны? – продолжила удивляться я.

– Другими словами, пристрели его завтра, ты и...

– Подожди, – нахмурилась я. – Ты приходишь сюда... кстати, ты здесь случайно или топал за мной от конторы? – «Случайно» прозвучало издевательски. Ларионов пожал плечами.

– Все знают, что у тебя есть привычка заглядывать сюда.

– Все? Вот тебе и раз. Я и сама об этой привычке не знала.

– Так знай. Торчишь здесь каждый вечер до девяти часов. В одиночестве. Пьешь кофе и пялишься в стенку, потом садишься в свою тачку и примерно час катаешься по городу. Довольна?

– Более-менее, – вздохнула я. – И по этой причине ты решил развлечь меня и начал с дурацких вопросов?

– Я... мне необходим совет, – собравшись с силами, заявил он. – И я действительно считаю, что ситуация серьезная.

– Тогда расскажи мне о ситуации, – предложила я.

Он огляделся, вздохнул и вновь перешел на шепот:

– Два дня назад на улице подобрали избитого парня. Кто-то так над ним поработал, что на нем живого места не осталось. Документов при нем не было. Его отвезли в больницу. Парень в себя пока так и не пришел. Шансов выкарабкаться у него практически нет. По крайней мере, так утверждают врачи. В общем, вполне мог пополнить ряды неопознанных трупов в морге, если бы не одно «но»...

– Какое? – проявила я любопытство.

– В бреду он принялся болтать. Первой внимание на его слова обратила медсестра и позвонила в милицию, а уж оттуда один мой знакомый позвонил мне. Конечно, бормочет он бессвязно, но кое-что...

– Что? – не выдержала я.

– Парень болтал о киллере.

– Занятно, – кивнула я. – И что дальше?

– Говорю, его бред, как положено бреду, довольно бессвязный, но ясно одно: кто-то нанял киллера, и тот со дня на день должен появиться в нашем городе.

– А почему ты решил, что это имеет отношение к Деду? Он что, и его имя назвал?

– Нет. Но я подумал... Ты можешь потешаться сколько угодно, но у меня тревожно на душе.

– Поправь меня, если я чего-то не поняла. Парень лежит в больнице и что-то болтает про киллера. И ты идешь ко мне, чтобы спросить, как дела у Деда, то есть не хочет ли кто-то убить его ненароком?

– Рад, что тебя это так развеселило, – съязвил он.

– Напротив. Меня это опечалило. В любом случае у нас есть люди, которые по долгу службы займутся парнем. А твое дело охранять Деда.

– Вот именно. Я по опыту знаю: если кто-то кого-то решил замочить, никто не уберезет.

– Весьма оптимистичное для охранника заявление.

– Прекрати паясничать, – не выдержал он. – Мы должны играть на опережение, а я даже толком не знаю...

Я согласно кивнула: что верно, то верно. Когда начальником охраны Деда был мой друг Лялин, он знал все, но Дед предпочел держать возле себя этого прохвоста. Конечно, Лялин ушел сам, но Дед мог найти кого-нибудь посерьезнее, чем этот тип, что сидит напротив. Впрочем, у Ларионова бездна достоинств. С точки зрения Деда, разумеется.

– Чего ты хочешь от меня? Чтобы я раскинула карты или погадала на кофейной гуще? Есть у Деда проблемы или нет, я понятия о них не имею. Тебе должно быть прекрасно известно, своими планами, а также проблемами он делиться не любит, по крайней мере, со мной.

– Значит, ты не хочешь помочь? – вторично огорошил он.

Я, признаться, на мгновение лишилась дара речи, такое со мной бывает исключительно редко, девушка я разговорчивая. Вздохнула и сказала:

– Хочу.

Я была уверена, что после этого он, одарив меня гневным взглядом, поспешит удалиться, но он вновь поверг меня в изумление, потому что обрадовался.

– Отлично. Может, для начала взглянешь на этого типа?

– Зачем?

– Ну... вдруг появятся какие-то мысли...

– Мысли у меня непременно появятся, – согласилась я. Поведение Ларионова теперь не просто удивляло, оно ставило меня в тупик. В нашем серпентарии ничего просто так не делается, и если Ларионову понадобилось, чтобы я... Кто слово давал, что не позволит втравить себя в историю? – Судьба у меня такая, – дурашливо изрекла я, направляясь к двери.

– Что? – не понял Ларионов, следуя за мной.

– Ничего, – отмахнулась я.

Вот таким образом вместо того, чтобы ехать домой, я оказалась в больнице «Скорой помощи». Парень, о котором рассказал Ларионов, находился в реанимации, но нас к нему пустили, снабдив халатами, тапками и марлевыми повязками. Как я уже говорила, Дед у нас всему голова и часть его всемогущества распространяется на его доверенных лиц, перефразируя древнюю поговорку: «Что не положено быку, запросто может Юпитер».

В сопровождении врача, молодой женщины с веснушчатым личиком и милой улыбкой, мы проследовали по коридору. Держа одну руку в кармане халата, а другой теребя стетоскоп на груди, она виновато сообщила, что состояние больного ухудшилось. Далее по-шли медицинские термины, в которых я ничего не смыслю, но суть все же уловила: у парня травмы, несовместимые с жизнью, и просто удивительно, почему он до сих пор еще жив.

– Бывает, – философски заметила я, хоть меня никто и не спрашивал. Врач вроде бы растерялась, Ларионов нахмурился, а я пообещала себе больше рта не раскрывать.

Больница «Скорой помощи» – старейшая в нашем городе. Когда-то это было достоинством, в том смысле, что здесь работали отличные специалисты. Но времена сменились, в больнице тоже произошли перемены, и не в лучшую сторону. Многочисленные корпуса требовали ремонта, и не сегодня, а еще позавчера. В отделении реанимации в коридоре стояли тазы и ведра, потому что с потолка капала вода, что неудивительно: дожди, а крыша худая. «Не приведи господи здесь оказаться», – подумала я и затосковала. Отцов бы города сюда на месяц принудительного лечения. Впрочем, Дед о народных проблемах знал и о больнице на днях что-то говорил оптимистично и многообещающе. Следовательно, и я могу смотреть в будущее с оптимизмом. Привезут меня сюда, а здесь светлая память о тараканах, по две нянечки на каждую палату и никаких тебе тазиков.

Глупые мысли пришлось оставить, потому что мы приблизились к третьей палате, где лежал интересующий нас гражданин. Возле палаты я обнаружила милиционера. Сидя в кресле, он увлеченно читал потрепанную книжку. Подойдя ближе, я смогла убедиться, что он неравнодушен к отечественной фантастике, и порадовалась за него: дежурство с источником знаний проходит не в пример быстрее. На нас парень взглянул без особого интереса и продолжил чтение. Ларионов кашлянул, привлекая его внимание, и парень еще раз взглянул на него, прикидывая, стоит ли реагировать или нет. Что-то в лице Ларионова намекнуло, что стоит, потому что молодой человек поднялся, захлопнув книгу, и теперь стоял, переминаясь с ноги на ногу, зная не зная, что делать. Особо напрягаться при виде штатских вроде бы ни к чему, однако есть подозрение, что прибыло начальство.

– Я распорядился поставить охрану, – сказал Ларионов, обращаясь ко мне и выделив местоимение «я». Я пожала плечами, мол, правильно сделал, и стала ждать, что будет дальше.

Тут вслед за нами в коридоре появился милицейский капитан. Парень быстро сунул книжку под кресло и изобразил лицом готовность служить Отчизне изо всех сил. Капитан, не обращая внимания на подчиненного, раскланялся со мной и поздоровался за руку с Ларионовым.

– Новости есть? – на всякий случай спросил Ларионов.

– Никак нет, – с избытком рвения отрапортовал дежуривший у палаты парень и добавил вполне по-человечески: – Все тихо.

– Ну, что ж, давайте навестим больного, – предложил Ларионов. Повернулся к капитану и спросил: – Вы знакомы с Ольгой Сергеевной?

– Лично не довелось, но много раз видел по телевизору, – ответил капитан и довольно улыбнулся, после чего поспешил представиться: – Абрамов Сергей Степанович. – Он протянул руку, и я ее пожала. Врач на происходящее взирала с завидным терпением.

– Пожалуйста, тише, – попросила она. – И по возможности не затягивайте визит.

Она открыла дверь, пропуская нас вперед, Ларионов шагнул первым, но вдруг решил быть джентльменом и отступил в сторону. Я вошла в палату.

Палата была небольшой, окно напротив приоткрыто, что меня удивило. В медицине я, конечно, не сильна, но, по-моему, в реанимации окон не открывают.

– Это что такое? – ахнула врач, она, как и я, тут же обратила внимание на окно.

– Ё... – буркнул капитан весьма эмоционально, и тогда я перевела взгляд на кровать: человек, который лежал на постели, был с головой укрыт простыней, а в том месте, где у него была грудь, на белой ткани расплылось красное пятно. Ларионов шагнул вперед, сдернул простыню, и я увидела мужчину неопределенного возраста с развороченной выстрелом грудью.

– Боже мой, – пробормотала врач и повторила: – Боже мой...

– Да я его, подлеца... – прошипел капитан и метнулся к двери. Ясно, что теперь любителю фантастики не поздоровится, хотя я не уверена, что, стой он у двери навтыжку, мы застали бы в палате иную картину.

– Парня пристрелили, – сказал Ларионов и досадливо покачал головой. – Хотя какой смысл, если он и так бы умер со дня на день?

– Значит, некто не был в этом уверен, – пожала я плечами.

Трупы мне не нравятся, и этот был мне совершенно несимпатичен, но стало ясно, что теперь просто так повернуться и уйти не получится.

– Он должен был скончаться от побоев, – продолжила я. – Но не скончался. И это так кого-то расстроило, что он не поленился подняться на третий этаж.

Я подошла к окну и осторожно выглянула. Я не надеялась, что недавний визитер оставил следы, профессионалы следов не оставляют, но вдруг повезет и этот окажется не профессионалом. Врач покинула палату вслед за капитаном, и мы остались с Ларионовым вдвоем.

– Кстати, подняться сюда легче легкого, – вздохнула я. – Тут рядом какая-то труба, а в трех шагах дерево. Как по заказу.

– Теперь ты понимаешь, как это серьезно? – спросил Ларионов, и я кивнула:

– Еще бы.

Мы дождались прибытия оперативной группы, устроившись в коридоре. Пока нам никто не мешал, я решила поговорить с милиционером, что дежурил возле палаты. С разнесчастным видом он уже раз двадцать повторил:

– Там все тихо было, а в палату мне нельзя.

– Никакого шороха, который мог бы насторожить? – вмешался Ларионов. Парень отчаянно замотал головой. Стало ясно: мы напрасно теряем время.

– Кого ты видел в коридоре? – на всякий случай поинтересовалась я. На этот раз он ответил вполне осмысленно:

– Я три часа на посту. За это время в палату четыре раза сестричка заходила, Наташа, и два раза врач.

– Кто конкретно?

– Фамилии не знаю, этот, с бородкой. Но он точно врач, я его и вчера видел.

Я отправилась в ординаторскую искать врача с бородкой. Обстановка в ординаторской была близка к истерической, на меня смотрели настороженно. Мужчина лет сорока с бородкой клинышком счел нужным заметить:

– Черт знает что творится. Куда милиция смотрит?

– В основном в сторону прокуратуры, – ответила я, плюхнувшись на кушетку и с опозданием сообразив, что мое чувство юмора здесь по меньшей мере неуместно. Впрочем, один мой приятель, сейчас вроде бы покойник, утверждал, что с этим чувством у меня напряг и острую я на слабую троечку. Наверное, так и есть. – Простите, как вас зовут? – обратилась я к мужчине.

– Олег Валентинович.

– Очень приятно. Олег Валентинович, в котором часу вы заходили в третью палату?

– Заходил дважды. – Он взглянул на часы. – Второй раз тридцать минут назад и примерно за полтора часа до этого.

– Значит, тридцать минут назад парень был жив, – пробормотала я.

– Разумеется. Хотя его состояние не внушало особых надежд. Так что стрелять в него не было никакого смысла, – серьезно добавил он.

– Извините, – поднялась я, сообразив, что ничего интересного более не услышу, и покинула ординаторскую. Ларионов курил на лестничной клетке.

– Ну, что? – спросил он.

– Опоздали минут на тридцать, – вздохнула я.

– Вот черт, – покачал он головой.

– Запись его речей в бреду у тебя есть? – поинтересовалась я.

– Кончай, а? – разозлился он.

– Что, никто не догадался сунуть парню под нос диктофончик, чтобы запечатлеть его слова для потомков?

– Я обо всем узнал только вчера, – начал оправдываться Ларионов, хотя вполне мог послать меня к черту. – Встретился со своим приятелем, и поначалу его рассказ впечатления на меня не произвел. Потом я вдруг...

– Да-да, тебя охватило беспокойство.

– Охватило. Я приехал сюда, распорядился поставить охрану. Менты и до этого не додумались, – сказал он с некоторой гордостью за себя и презрением к милиции, поморщился и продолжил: – На самом деле все, что он болтал, не производило серьезного впечатления. Привезли какого-то типа, чуть ли не бомжа, с пробитой башкой, ну, болтал чего-то в бреду...

– Жаль, что теперь невозможно узнать, что же конкретно он болтал.

Тут снизу слышались шаги. По лестнице довольно шумно поднимались трое мужчин. Всех троих я неплохо знала, оттого наша встреча вышла теплой.

– О, какие люди в Голливуде, – раздвинув рот до ушей, приветствовал меня Сергеев.

– Очень смешно, – ответила я.

– Уже не очень, – покачал он головой, – раз наша власть в вашем лице, так сказать, почтила. Ну что, хлопнули соколика? – спросил Сергеев, закуривая. Его спутники, поздоровавшись с нами, направились в отделение.

– Хлопнули, – кивнула я.

– Прибавил, гад, работы.

– От них только пакости и жди, – опять кивнула я. – Нет бы жили себе спокойно, дали отдых ментам.

– Ладно, ладно, – засмеялся он. – Все менты ленивые, тупые и ни на что не годные. Мне об этом жена каждый день твердит.

– Умная женщина. Установили, что это за тип? – спросила я.

Сергеев покачал головой:

– Скорее всего, кто-то из приезжих. Нашли его в подворотне, возле пивнушки на Герцена. Форменный бомж. Его вполне могли отделать без особой причины, то есть для местного контингента причина, конечно, наиважнейшая: бутылку не поделили. Но потом сестра разобрала в его бормотании слово «киллер» и позвонила нам, проявила бдительность. Я приехал, послушал. Вроде бред, а вроде похоже на правду.

– Что конкретно он сказал? – поторопила я.

– Болтал о киллере, о встрече в баре...

– В каком баре, когда?

– Бар «Витязь». Не знаю, где такой. Наверное, забегаловка из самых паршивых. При мне дату не называл, но медсестра утверждает, что это двадцать первого мая, после девяти вечера.

– И из его слов следовало, что там произойдет встреча с киллером?

– Не-а, – покачал головой Сергеев. – Ничего из его слов не следовало. Нормальный бред, то одно пробормочет, то другое. При известном старании можно, конечно, понять и так: «К нам едет киллер, и ждать его следует в баре «Витязь» двадцать первого мая после девяти». – «При известном старании» он выделил и выразительно взглянул на Ларионова. Тот усмехнулся, а Сергеев продолжил: – Теперь, когда парня замочили, его бред лично у меня вызывает уважение и даже трепет.

– Скоморох, – буркнул Ларионов, а Сергеев вздохнул:

– Ну не было, не было в его словах ничего такого, что могло бы всерьез насторожить. А то, что медсестра рассказала... может, правда болтал, а может, она присочинила, насмотревшись детективов.

– Задницу от стула оторвать было лень, так и скажи, – проворчал Ларионов.

– Виноват, исправлюсь, – отозвался Сергеев. – Что ж, пойдем глянем, что бог послал.

– Топай, – ответил мой спутник. – Мы уже насмотрелись.

Сергеев отправился вслед за коллегами, а Ларионов усмехнулся:

– Видела работников?

– Сергеев мент правильный, дело свое знает, а то, что лишней работы не ищет, так это вполне понятно. Я ее, к примеру, тоже не ищу.

– Теперь у него работы прибавится, – ехидно заметил Ларионов.

– Это точно, – кивнула я.

– Пойдем где-нибудь посидим, поговорить надо, – предложил он.

Мозолить глаза людям на лестничной клетке и в самом деле не стоило, раз толку от этого ни на грош. Мы ушли из больницы. Через дорогу напротив было кафе, туда мы и направились.

Ларионов заказал пива, я решила, что меня тошнит от кофе, и попросила минералки.

– Может, водки выпьем? – предложил Ларионов. В народе имел хождение миф о моем алкоголизме, и мой добрый друг, должно быть, решил, что я вынуждена этот порок утаивать и оттого страдать. Я еще раз невольно сравнила его с Лялиным и покачала головой.

– Я ж в завязке, – заметила я обиженно. – Хлопну рюмку – и опять в запой. Дед давно грозился уволить меня, если за ум не возьмусь.

– Чего ты дурака валяешь? – рассердился Ларионов. – Из тебя алкоголик, как...

– Приглядываешь за мной, – перебила я. Он серьезно ответил:

– За всеми. Работа такая.

– Поговорим о работе, – предложила я. – Я так и не поняла, чем тебя этот парень насторожил? То есть с какой стати ты связал предполагаемое появление киллера с особой Деда? – Этот вопрос по-настоящему меня интересовал. Если верить Сергееву (а ему я верила), к словам парня можно было отнести как к бреду, не более. Но если кто-то взял на себя труд сократить пребывание этого человека на земле, бред выглядел страшненько.

– Сам не знаю, – поморщился Ларионов. – Говорю, беспокойно как-то...

– Так не пойдет, – предупредила я.

Подошла официантка с заказом, и мы замолчали, но, как только девушка отошла, Ларионов вновь заговорил:

– Хорошо, хорошо, было кое-что... На днях один тип шепнул, что у Деда проблемы.

– Что за тип?

– Перестань. Ты же знаешь, что на этот вопрос я не отвечу. Вроде бы наш старик не очень-то считается с интересами некоторых людей, гнет свою линию и все такое.

– Насчет линии в самую точку, – усмехнулась я. – Ничего нового. Дед в своем репертуаре, и у него полно врагов.

– Наверное, ты права, и я дую на воду, но... просто так совпало: данный разговор, а потом еще этот тип. И я подумал, для кого мог понадобиться киллер-гастролер? В городе вроде тихо, всякая мелочовка по мелочам и разбирается, выходит, что...

– Ничего не выходит, – сказала я. – Но лучше дуть на воду, чем оказаться у разбитого корыта. Давай прикинем, что у нас есть: кто-то шепнул тебе о проблемах Деда. Человечек-то хоть стоящий?

– Не волнуйся, стоящий.

– Ага. Значит, он шепнул, и через пару дней... я права?

– Через три дня, – уточнил Ларионов.

– Через три дня твой человек в ментовке сообщает тебе об этом парне. Парень получил побои, несовместимые с жизнью, и в бреду упоминает киллера и вроде бы даже дату. А сегодня его не поленились пристрелить. Из чего логично сделать вывод: кто-то считал, что парень обладает некой информацией, которую лучше унести в могилу. Он сказал «киллер», следовательно, скорее всего, информацию о киллере и хотели сохранить в секрете. Имеет это отношение к Деду или нет, в любом случае стоит разобраться.

– Вот и разберись, – совершенно серьезно заявил Ларионов. Я даже не нашлась, что ответить. Ларионов побил все рекорды, он поверг меня в изумление в третий раз за вечер.

– Кто у нас начальник службы безопасности? – наконец нашла в себе силы произнести я.

– Я помню, кто у нас отвечает за безопасность, – ответил Ларионов. – И меры, конечно, приму. Но я не оперативник, а здесь необходимо провести расследование. Или я что-то путаю?

– Расследование – это замечательно, а менты – самые подходящие для этого дела люди.

– Не уверен. Слушай, о чем мы спорим? Ты не раз проводила расследования по поручению Деда, а теперь, когда речь идет о его безопасности... Хорошо, возможно, речь идет о его безопасности...

– В милиции вряд ли придут в восторг, если я начну путаться у них под ногами, – напонила я, но это не произвело на него никакого впечатления.

– Не смейся. Они уже давно привыкли. То есть я хотел сказать, что если бы путаться у них под ногами начал я, тогда другое дело, а ты для них свой человек. И им хорошо известно, как к тебе относится Дед. Так что рядовые сотрудники помогут тебе по старой дружбе, а начальство мешать не будет. Что скажешь?

Вообще-то Ларионов был прав. Не раз и не два я проводила расследование, когда это было угодно Деду, и друзья у меня имеются, которые захотят помочь, и начальство в самом деле не будет особо против. Но все равно меня переполняло желание послать Ларионова к черту хотя бы за то, что так торопился переложить свою головную боль на меня. Хотелось, но было одно «но» – речь шла о Деде, и теперь я думала: чем черт не шутит, может, он в самом деле кого-то так прижал, что этот «кто-то» всерьез решил от него избавиться?

Тут надо заметить, что наши отношения с Дедом простыми не назовешь. У меня самой не раз возникало желание избавиться от него. Не буду врать, что я столь кровожадна и мечтала о его кончине, меня бы вполне устроило, если бы мы просто больше никогда не встречались.

Но как только я допустила мысль о том, что ему угрожает опасность, беспокойство меня не оставляло. Даже думать не хотелось, что... У большинства людей редко прослеживается логика в желаниях и поступках, а искать ее у меня – и вовсе бесполезное занятие. Так что, сидя в кафе напротив Ларионова, я уже знала, что опять влезаю в какое-то дерьмо, хотя не далее как вчера клялась и божилась...

– Хорошо, – кивнула я без всякого намека на энтузиазм. – Пошарим, посмотрим, глядишь, чего-нибудь и нароем.

– Спасибо, – совершенно серьезно сказал Ларионов и даже похлопал меня по руке.

– Чудеса, – сказала я.

– Что? – не понял он.

– Ничего. С людьми творится что-то странное. Ладно, мы уже довольно долго мозолим глаза друг другу, пора и честь знать.

Он расплатился и спросил:

– Идем?

– Я еще немного посижу.

Ларионов кивнул на прощание и скрылся с глаз. Не успела я ощутить большую радость от его ухода, как зазвонил мой мобильный. Высветившийся номер ничего мне не сказал, но я по доброте сердечной решила ответить и голос узнала сразу. Звонил Сергеев, с которым мы не так давно простились в больнице.

– Говорить можешь? – незамысловато начал он.

– Я даже спеть могу.

– Это хорошо. Подскажи, дураку, что там у вас за дела такие, чтобы ненароком шишек не набить?

– Нет у меня дел, я почти что на пенсии.

– Брось. С какой стати нашу власть заинтересовало это убийство?

– Ты бы у власти и спрашивал, – съязвила я.

– Ты на Ларионова намекаешь? У меня нет ни малейшего желания иметь дело с этой крысой. Знать бы еще, кто из наших ему стучит, набил бы морду с большим удовольствием.

– Заодно и Ларионову набей. Я бы охотно поучаствовала, да боюсь, не будет мне такого счастья.

– Я тоже невезучий.

– Я знаю не больше твоего, – заговорила я уже серьезно. – Ларионов может знает больше, но он своими знаниями со мной не поделится.

– Даже с тобой?

– Со мной особенно. Так что начинай трудиться, исходя из следующего: парня дважды пытались убить. Второй раз успешно. И он что-то болтал о киллере.

– Сейчас я с медсестрой разговаривал, ни в дате, ни в том, что встреча состоится в баре «Витязь», она уже не уверена.

– Понятное дело, испугалась девчонка.

– Ты мне прямо скажи, тебя это дело интересует или нет?

– Интересует.

– Тогда предлагаю свою дружбу. Идет?

– Лучше бы руку и сердце, но я и против дружбы не возражаю.

– А что, появилась вакансия? – развеселился Сергеев, но тут же пришел в чувство и деловито добавил: – Будут новости, позвоню.

Мы простились, и я уставилась в пустой стакан за неимением другого интересного объекта. Не мешало бы поговорить с Дедом. Конечно, рассчитывать на его откровенность мне даже в голову не приходило, однако предпринимать какие-то шаги за его спиной тоже не годится. Надо явиться пред ясные очи, сделать необходимые ритуальные приседания и получить высочайшее разрешение. Хотя ради разнообразия он мог бы просто ответить: есть у него подозрения, что его собираются шлепнуть, или мы с Ларионовым предаемся фантазиям? Причем я предаюсь им с перепугу, а Ларионов вполне может заниматься этим с неясной для меня целью. Деду он вроде служит верно, прекрасно понимая, что благополучие Деда напрямую связано с его собственным. Однако может играть и против Деда, если усмотрит в этом выгоду для себя. Но выгода должна быть существенной.

Был и третий вариант, Дед опять что-то затеял. Ларионов исполняет отведенную ему роль, может, зная о намерениях босса, а может, втемную. Дед на такие штуки мастер. Вот и гадай теперь...

Я не надеялась получить ответы на эти вопросы, поговорив с ним, но в любом случае встретиться придется. Я хотела набрать номер телефона Деда, но тут вспомнила о своем друге Лялине. Не худо бы для начала послушать умного человека. Опять же, мы давно не виделись, а теперь есть повод. И тут телефон чудесным образом зазвонил, и я увидела заветный номер.

– Тебе икалось, что ли? – поинтересовалась я.

– Неужто вспомнила о старике? – развеселился Лялин. – Чем занимается самая красивая девушка нашего города, страны и мира?

– Собираюсь испортить тебе настроение.

– Не удастся. На днях я отпустил тебе все грехи.

– А их много?

– Один был точно. Могла бы поздравить своего доброго дядюшку, мне вчера стукнул полтинник, и теперь я взрослый мальчик.

– Боже, – простонала я в тоске и отчаянии. – Я – свинья, дура без памяти, средоточие пороков и прочее, прочее... Позволь припасть к твоей груди и вымолить прощение.

– Припадай ко всему, что тебе понравится. Можешь прямо сейчас. Я намереваюсь осесть в «Торнадо» и всерьез рассчитываю, что ты присоедишься ко мне.

– Лечу на крыльях любви, – заторопилась я. Настроение мое заметно улучшилось. Вечер в компании друзей... заодно кое-что обсудим, и домой теперь ехать не надо, то есть появился повод задержаться.

Выходя из кафе, я позвонила Тагаеву. Он ответил сразу, наверняка ждал звонка, однако сам не позвонил, терпел, не желая навязываться.

– Это я, – сообщила я с оптимизмом, как будто рапортовала, что мною только что покорины бескрайние просторы Вселенной.

– Привет, – отозвался он. В голосе минимум эмоций, хотя наверняка хотел многое сказать. К примеру, какого черта меня где-то носит, когда он сидит дома с моей собакой.

– Я сегодня задержусь, – сообщила я и мысленно вздохнула.

– Да? – вновь без всяких комментариев, даже если он и думал при этом: «А когда ты не задерживалась?», или еще вариант: «Ты бежишь от дома, как черт от ладана». Но Тагаев так не скажет, обойдется равнодушным «да».

– Ага. Как там Сашка?

– По-моему, скучает. И я, кстати, тоже. Когда думаешь появиться?

– Через пару часиков. – Тишина. Можно давать отбой, он больше ничего не скажет. Мне стало так тошно, хоть волком вой, и я сказала: – Вчера у Лялина был день рождения. Хочу поздравить.

– Вешнякову привет, – ответил Тимур и отключился.

– Черт, – чуть ли не крикнула я и повторила: – Черт, черт... – Легче мне от этого не стало.

Я шла к своей машине, кусая губы и торопясь поскорее выбросить из головы Тагаева, его терпеливое ожидание в моей квартире и нашу стойкую неспособность понять друг друга. Впрочем, его я понимала даже очень хорошо, только толку от этого никакого.

Двое подростков стояли возле моего «Феррари» и восхищенно его разглядывали. С точки зрения граждан, у меня есть все... С моей точки зрения – тоже. Абсолютно все, что может пожелать человек. А я, как на грех, ничего не желала или понятия не имела, чего желаю на самом деле. Все, о чем мне доводилось мечтать, оказывалось иллюзией, и я знать не знаю, что делать со своей жизнью.

– Все, хватит, – буркнула я. Ребятишки решили, что я обращаюсь к ним, и поспешно отошли.

– Классная тачка, – не удержавшись, заметил один. – Когда вырасту, куплю себе такую же.

Я улыбнулась и плюхнулась на сиденье, завела машину и махнула ребятам рукой. До места встречи на машине – минут пятнадцать. Я решила, что портить вчерашнему имениннику настроение кислой физиономией непростительный грех, и, выбросив из головы Тагаева, подумала о том, как замечательно встретиться с друзьями, и прочее в том же духе. После этих упражнений оптимизма во мне заметно прибавилось.

Я заскочила в винный погребок, купила Лялину в подарок бутылку коньяка, который он очень уважал, хотя и водку пил с удовольствием. Подъехала к бару, припарковала машину и, нацепив на физиономию улыбку, направилась к двери. Бар был большим, с двумя бильярдными залами, но при этом очень уютным. Пространство бара было поделено резными перегородками, желающие смотрели футбол на огромном экране недалеко от стойки, а кому футбол был неинтересен, могли спокойно поговорить.

Лялин очень любил это заведение, и с некоторых пор оно стало местом наших нечастых встреч. Я вошла и огляделась, высматривая своих друзей. Сегодня здесь не было многолюдно, однако из-за перегородок обнаружить Лялина оказалось не так-то просто. Я достала телефон с намерением позвонить, но тут очам моим предстал молодой человек и с улыбкой произнес:

– Здравствуйте, Ольга Сергеевна. Позвольте я вас провожу.

Как всегда, я недооценила свою популярность в родном городе. Я широко известна среди собак, вышибал и официантов. Прочие граждане тоже не оставляют меня своим вниманием.

Вслед за молодым человеком я миновала бильярдный зал и наконец-то увидела своих друзей. Лялин сидел, откинувшись в кресле с бокалом пива в руке, напротив с довольным видом устроился Вешняков.

Вешняков заметил меня первым, расплылся в улыбке и заявил:

– Красавица.

– Точно, – кивнул Лялин, поворачиваясь ко мне: – Чем старше становлюсь, тем труднее лицедрет такую красоту платонически. К чему ты хотела припасть?

– К могучей груди, – ответила я. Мужчины поднялись, и к груди Лялина я все-таки припала, удостоилась объятий и братского поцелуя.

– Хорошо выглядишь, – сказал он серьезно, должно быть, решив, что я остро нуждаюсь в комплименте. Вешняков, продолжая улыбаться, запечатлел поцелуй на моей щеке и вернулся к пиву. – Что будешь есть? – деловито спросил Лялин.

– То же, что и вы.

– Я так и думал, – усмехнулся он. – И все уже заказал. Ну что, други милые, можете поздравлять.

Мы, конечно, поздравили, я вручила ему коньяк, мы выпили и закусили.

– Надо чаще встречаться, – выдал ценную мысль Вешняков где-то через час. Чувствовалось, что он абсолютно доволен собой и миром. Во мне вдруг заговорила совесть: не хотелось нарушать эту идиллию, оттого со своими новостями я не спешила, слушала чужие.

Лялин, который трудился в охранной фирме, после того, как два года назад покинул дом с колоннами, особо новостями не баловал. Похвалился успехами сына, учившегося в Англии, пожаловался на дочь, влюбившуюся весьма некстати, потому что экзамены на носу, и кивнул на Вешнякова:

– Глянь, как нашего подполковника от самодовольства распирает. Как звание получил, совершенно другим человеком стал. Брюхо отрастил, морда круглая, взгляд сытый, сразу видно: мент.

– А раньше что, не видно было? – хмыкнул Вешняков.

– И раньше репа твоя лучше всякой визитной карточки была, но до получения долгожданного звания ты выглядел ментом-трудолюбивым, а теперь барином.

– На себя посмотри, – фыркнул Вешняков, и оба засмеялись.

– Хорошо, хоть не ноет, – сказала я.

– А чего ему теперь ныть, он у нас начальник, – подмигнул Лялин.

Артем скривил несчастную физиономию и махнул рукой:

– Надо мной еще начальников пруд пруди. И каждый норовит шею намылить.

– Обижают сироту, – поддакнул Олег.

– Не может человек не жаловаться, хоть генерала ему дай, – посетовала я.

Артем тут же ответил:

– И над генералом начальства полно.

– О господи, значит, будешь стонать до скончания века, – ужаснулась я.

– Брюхо и вправду растет, – с тоской заметил Артем. – Моя говорит, надо больше двигаться. Потатила меня к теще, грядки копать. Еле-еле сбежал в последний момент. Как раз Мишу Молчуна грохнули. Ну, я своей и говорю: отменяются грядки, видишь, что в городе творится.

– Выходит, тебе Молчуну надо спасибо сказать, – засмеялась я.

– Не ему, а тому, кто избавил его от земных хлопот. Но спасибо говорить не хочется, от грядок спас, так на работе одна нервотрепка.

– Убийство заказное, тебе что за головная боль? – удивился Лялин.

– Ты что, не знаешь наших отцов-командиров? ЧП, куда смотрели, сограждане в панике, короче, шею мылили по полной, точно это я его пристрелил. Хотя всем прекрасно известно... –

Тут Вешняков вдруг поперхнулся, а Лялин одарил его недобрым взглядом, который не укрылся от меня. Лялин тут же оптимистично заметил:

– Ничего, справишься.

– Да бог с ними со всеми, – вздохнул Вешняков, потянувшись к коньяку. – И с Молчуном, и с начальством. Давайте лучше за именинника выпьем.

Мы, конечно, выпили. Закусывая, я приглядывалась к своим друзьям. Лялин мужик крупный. И хотя он любил прикинуться сиротой, намекая на старость, но мог дать фору многим молодым. Кулаки-кувалды выглядели в высшей степени внушительно. Болтали, что Лялин легко гнет подковы. Я как-то раз попросила продемонстрировать, меня вежливо послали с формулировкой «глупостями не занимаюсь», но я не сомневалась, что подковы для него ерунда. Однако недюжинная сила далеко не единственное достоинство Лялина. Прежде всего он был наделен умом, большим и светлым, к тому же умудрился остаться порядочным человеком, что было вещью едва ли не фантастической, коли уж он несколько лет проработал начальником охраны Деда (каковы наши политики, никому объяснять не надо), и за это я Лялина особенно уважала. Он имел большие возможности для личного обогащения, занимая этот пост, но не воспользовался ими. Мало того, ничуть об этом не жалел. А когда решил, что Дед слегка перегнул палку (на самом деле не слегка, конечно), Лялин покинул теплое местечко, что смог бы далеко не каждый, и ушел в охранную фирму. Правда, и там не бедствовал, потому что хозяину было доподлинно известно, какое сокровище удалось ему к себе заманить.

Лялин долгое время служил в разведке и, по моему мнению, был не только специалистом от бога, он обладал даром предвидения. Лично я в этом не сомневалась. Из-за рыжих усов, которые украшали его физиономию, он чем-то походил на добродушного моржа. Очень многие несведущие граждане ловились на эту удочку, забывая, как обманчива может быть внешность.

Вешняков, круглолицый, с большими серыми глазами и удивительной улыбкой, казался тем, кем и был в действительности: хорошим, добрым парнем, который искренне стремился жить в согласии со всем миром. Удавалось сие редко, ибо профессию он избрал далеко не мирную, и Артем очень страдал от этого. Был он принципиален, тверд, а иногда и упрям, точно стадо ослов, оттого с трудом дождался вожденного звания. Начальство, как известно, предпочитает гибких сотрудников, а Вешняков ныл, жаловался, обещал все бросить и уйти к Лялину, но, когда было надо, стоял насмерть, похоронив личную выгоду и надежды на спокойную жизнь.

Сейчас эти двое торопились сменить тему и болтали без умолку, что слегка насторожило. Причину такового поведения я не видела и оттого слегка волновалась: что такое знают эти двое, чего пока не знаю я? Мысленно я вернулась к нашему разговору, вспомнила красноречивый взгляд Лялина и пришла к выводу, что все дело в неведомом мне Молчуне. До упоминания о нем мужики выглядели радостно-возбужденными, а когда Вешняков сообщил о безвременной кончине Молчуна, Лялин разозлился, а Артем стал ерзать, точно брякнул некстати то, о чем лучше помалкивать. Молчун был мне абсолютно безразличен в силу того, что сегодня я услышала о нем впервые. В конце концов я решила, что у меня и без этой загадки полно хлопот, и выбросила Молчуна из головы.

Полтора часа пролетели незаметно. Полтора часа счастья более чем достаточно, теперь вполне можно поделиться неприятностями и при этом не чувствовать себя распоследней свиньей.

– Сегодня я имела беседу с Ларионовым, – с пленительной улыбкой сообщила я, потому что все-таки стыдилась портить людям праздник.

– На какой предмет? – любопытствовал Вешняков, уплетая семгу. Он пока еще не ожидал подлости от судьбы, был всем доволен и в меру любопытен. Зато Лялин сразу насторожился. Не зря я подозреваю в нем дар предвидения.

– Утверждает, что едет к нам киллер, да не простой.

– Вона как, – кивнул Вешняков. – И чего ему у нас понадобилось?

– Ну... если учесть, что Ларионов проявляет озабоченность и даже снизошел до беседы со мной...

Вешняков нахмурился, и оба мы уставились на Лялина. Тот широко улыбнулся и дурашливо спросил:

– И чего?

– Как думаешь? – ласково спросила я.

– О чем?

– О возможности неких шагов некоторыми людьми, имеющими цель лишить нас отца народа и гаранта демократии в областном масштабе.

– Ух ты, господи, – отложив вилку, пробормотал Вешняков. – Ничегошеньки из твоих слов я по малограмотности своей не понял, но уже перепугался.

– Ты умный, ты все знаешь, – подхалимски запричитала я, обращаясь к Лялину. – Скажи, такое в принципе возможно?

– В принципе, все возможно, – продолжил вредничать он. – Дед – мужик жесткий, очень многим это не нравится. Так что некие споры, конфликты и прочее...

– Но ничего конкретного? – не отступала я.

– Откуда? – удивился Лялин. – Я сижу в своей фирме, никому не мешаю, никуда не лезу. Вешняков иронически фыркнул, а я покачала головой:

– Брось придуриваться.

– Совершенная несправедливость, – закивал Лялин. – Я не придуриваюсь, я информацией не владею. Дед многим наступил на горло – это факт. Очень многие мечтали бы увидеть его могилу – тоже факт. Но, как известно, от мечты до суровой действительности... Осуществление данной затеи – ЧП в масштабах всей страны. Человек, который на это решится, должен быть либо круглым идиотом...

– Либо ему так припекло... – продолжила я, но Лялин перебил:

– Либо дважды круглым идиотом.

– То есть ты такую возможность в принципе отвергаешь? – Честно говоря, я порадовалась. Лялин приводил те же доводы, что и я в разговоре с Ларионовым, следовательно, беспокоюсь я напрасно, и предполагаемый киллер едет сюда по другой надобности. То есть надобность та же, но к Деду она никакого отношения не имеет.

– А чего за дела-то? – вертя головой от Лялина ко мне, спросил Вешняков. Я коротко рассказала о недавних событиях. – Сергеева я вчера видел, – кивнул Артем. – Ничего такого он не рассказывал, значит, особого значения болтовне этого типа не придал.

– А парня сегодня убили, – напомнила я. – Ларионов нервничает и намекает на некоего осведомителя, который сообщил, что якобы дела у Деда – хуже не придумаешь.

– Только не говори, что ты... – Тут Артема передернуло, точно после паленой водки, и он по обыкновению заныл: – Ну что ты за человек такой. Хоть бы раз спокойно посидеть, выпить, расслабиться. Обязательно настроение испортишь. Так, блин, хорошо сидели, и на тебе...

– Чего ты вопишь, как потерпевший? – напустилась я на него. – Могу я обсудить наболевшее с друзьями?

– «Обсудить», – передразнил Вешняков. – Непременно втравившь в историю. Хватает у человека совести... Я уже не мальчик, у меня брюхо растет, семья у меня, слышишь? Ну что за наказание?

– Помолчи, – махнула я рукой.

– Конечно, тебе что, тебе бы только...

Лялин во время нашей перепалки вертел в руках рюмку и о чем-то размышлял.

– Олег, скажи ты ей... – вновь заныл Вешняков, обращаясь теперь к нему.

– Озадачила ты меня, – серьезно ответил Лялин. – Просто не знаю, что и думать. Если честно, не верю я, что кто-то на такое отважится, а с другой стороны... В общем, не худо бы разобраться.

– Вот-вот, – тут же влез Артем. – Я ни в чем разбираться не буду. Это дело не мое, у меня своих дел выше крыши. Ну надо же так настроение испортить. Лучше б я поехал грядки копать.

– А тебя никто ни о чем не просит, – съязвила я. Артем презрительно скривился.

– Ой, ой, ой, не просит. Сергеев что-нибудь накопал? – без перехода спросил он.

– Пока нет. Надеюсь, если будет что интересное, сообщит.

– Сергеев мент толковый, и положиться на него можно. С Дедом ты говорила?

– А надо? – вопросом на вопрос ответила я.

– И как ты тогда собираешься искать киллера? На общественных началах? Может, все-таки оставишь это дело тем, кому такими вещами и положено заниматься? Нет? Впрочем, кто бы сомневался. Сама полезешь и нас втравишь. У меня заранее геморрой обострится.

– Геморрой от сидячей работы, – усмехнулась я. – Вот и побегаешь, для здоровья полезно.

– Ничего про здоровье мне не говори.

Тут мы вновь посмотрели на Лялина, потому что он продолжал молчать, сдвинув брови к переносице и уставившись в одну точку. Вешняков притих и стал терпеливо ждать, что скажет старший товарищ.

– И все-таки у меня большие сомнения, – наконец изрек он. – Попробуем кое-что выяснить. – Тут он со значением взглянул на Вешнякова, и тот нахмурился, косясь в мою сторону.

– Если имеете что сказать, то говорите, – вздохнула я, потому что их переглядывание вконец достало меня.

– Нет, ничего, – поспешно ответил Артем, в очередной раз взглянув на Лялина.

– Как знаете, – буркнула я.

– Ну а теперь, может, выпьем спокойно? – предложил Вешняков.

Засиделись мы много дольше, чем предполагали вначале. О делах больше не говорили, точнее, об одном конкретном деле, которое меня в настоящее время так волновало. Мужчины предпочли футбольную тему, и я ее поддержала, хотя ничегошеньки в футболе не соображала. Мысленно я несколько раз возвращалась к нашему разговору, пытаюсь отгадать, что от меня скрыли мои друзья? Наверняка цели их благородны, но от этого становится даже беспокойнее.

Домой я не спешила, и мои друзья, судя по всему, тоже. Наконец Вешняков взглянул на часы и принялся ныть:

– Черт, время-то как бежит. Моя пришибет меня, и так уже еле терпит. Пора разбежаться, а то и вправду из дома выгонят.

Лялин расплатился, мы вышли на улицу и стали прощаться. Лялин сел в свой джип, Вешнякова, который прибыл на своих двоих, решила отвезти я. Уже в машине, после паузы, в продолжение которой он собирался с силами, Артем спросил:

– Как твои дела?

– Ты же слышал. И уже успел выразить возмущение и недовольство.

– Я не об этом.

– А о чем? – усмехнулась я.

– Как ты вообще, а?

Нет бы прямо спросил: как вы уживаетесь с Тагаевым под одной крышей? Однако стыдился и мялся в нерешительности, справедливо полагая, что я пошлю его к черту.

– Вообще нормально, – кивнула я.

– Да? – не поверил он.

– Да. А ты как думал?

– До чего ж ты тяжелый человек, – покачал Вешняков головой. – Спросишь по-дружески, так ты норовишь... Я ведь не из пустого любопытства спрашиваю. Ты мне человек не чужой, и я... – Договорить он не успел, я как раз притормозила возле его подъезда.

– Тагаев шлет тебе привет, – улыбнулась я, но ответной улыбки не дождалась.

– Спасибо, – буркнул Артем, вышел из машины, хотел хлопнуть дверью, но душевная доброта пересилила, он вздохнул и сказал: – Ладно, спокойной ночи. Пошел я. – Махнул рукой и удалился.

Теперь уже ничто не мешало мне вернуться домой, но я не торопилась. Прокатилась по городу, наблюдая мелькание огней за окном, и наконец свернула на свою улицу.

В гостиной горел свет. Я взглянула на часы и попробовала стать оживленной. Даже подготовила фразу, с которой войду в гостиную, чтобы наша встреча с Тагаевым была похожа на встречу любящих людей, каковыми мы должны являться, если уж живем в одной квартире. Впрочем, я была уверена, что заготовленная фраза не поможет.

Я загнала машину в гараж и поднялась в холл, здесь тоже горел свет, но, к некоторому моему удивлению, гостиная была пуста. Сашка не выскочил мне навстречу, виляя хвостом, а тишина в квартире намекала на отсутствие в ней обитателей. Я заглянула в кухню, ужин на плите, везде образцовая чистота.

Я плюхнулась в кресло, тупо рассматривала плитку под ногами, потом побрела к двери. Если Тагаева и Сашки нет дома, их, скорее всего, можно обнаружить в парке напротив. Туда я и направилась, хотя ничто не мешало мне дождаться их здесь. Но звенящая тишина тяготила меня, а еще больше тяготило чувство вины, которое, должно быть, навеки свило гнездо в моей душе и никак не желало испариться, хотя я и предпринимала шаги к его выселению.

Захлопнув дверь, я перешла дорогу и оказалась в парке. Он был небольшим, но очень уютным, три аллеи расходились лучами от центра, был фонтан. Сейчас из-за позднего времени он был отключен. Я шла по аллее оглядываясь и вскоре увидела Тагаева. Тимур сидел на скамейке в дальнем конце парка, плечи опущены, руки сцеплены замком, взгляд неподвижен. Возле ног лежал Сашка и жалобно на него поглядывал. Тагаев опустил руку и погладил пса, Сашка повесил нос и загрустил еще больше.

Подобная картина способна довести до слез даже менее чувствительного человека. Я не зарыдала, но вздохнула и закусилась нижней губой. И Тагаев, и Сашка были со мной несчастны. Сашка был несчастен потому, что очень привязался к Тимуру и, будучи существом понятливым, чувствовал, что тому живется несладко, оттого и страдал. Мой пес здорово на меня сердился последнее время, потому что, с его точки зрения, ничто не мешало нам жить счастливо, а уж если счастья не наблюдалось, то виновата в этом, конечно, я.

У Тагаева причины были посерьезнее. Несколько месяцев назад он решил, что сможет игнорировать тот факт, что я любила другого человека. Тем более он был уверен: я считаю, что человек этот погиб. Хотя у меня на этот счет имелись сомнения. Сомнения не в том, что Лукьянов жив-здоров, это сомнений как раз не вызывало, а в том, что Тимур убежден, будто я считаю его покойником. Призрак Лукьянова неотступно стоял за спиной и портил наши отношения успешнее, чем живой человек из плоти и крови. Было похоже, что избавиться от него нам не удастся. По крайней мере, Тагаев свои силы явно переоценил.

Лукьянова я давно считала сволочью, и хотя по непонятной причине некогда готова была за ним хоть на край света, но теперь по здравом размышлении поняла, что ничего хорошего из этой затеи не получилось бы. И остается лишь благодарить судьбу, а точнее самого Лукьянова, который на край света меня не позвал. Более того, обтяпал свое исчезновение из моей жизни так, что, будь я поглупее, точнее, знай я его не так хорошо, решила бы, как и многие другие, что он сложил буйную головушку в неравной битве с врагами. Лукьянов выбрал себе профессию доходную, но чрезвычайно нервную и опасную. Представители киллерского сословия легко

отправлялись на кладбище, так и не успев выйти на пенсию. Но Лукьянов решил стать исключением и на пенсию вышел, устроив дело таким образом, что его записали в покойники.

Однако Тагаев, как и я, к доверчивым гражданам не относился. Он провел кое-какое расследование и пришел к тому же выводу, что и я, только гораздо раньше: Лукьянов исчез, но все еще пребывает в нашем мире. О том, что та же мысль посетила меня, Тимур не знал, но, скорее всего, догадывался. А так как формально соперник приказал долго жить, он появился у меня с признаниями в любви, в которой я, кстати, не сомневалась. Беда только в том, что любить его так, как он себе это представлял, я попросту не умела, оттого в настоящий момент мы и мучились все трое. Тимур считал, что я его не люблю, искал причину этому и быстро ее нашел: Лукьянов. Неважно, он сам или воспоминание о нем.

Тагаев был не таким человеком, чтобы устраивать допросы или закатывать сцены. Он вообще предпочитал помалкивать, и это явилось самой большой проблемой. Он молчал, улыбался, при этом наблюдая за мной, взвешивая каждое произнесенное мною слово, каждый жест и взгляд, увлекаясь все больше и больше, пока это не стало для меня совершенно невыносимо.

Стоило мне сказать, что у меня плохое настроение, он сразу делал далеко идущие выводы. Мысль его была витиеватой, но для него вполне естественной: у меня плохое настроение, потому что рядом со мной он, Тагаев. Я с трудом переношу его общество, так как все еще люблю Лукьянова и жалею о том, что согласилась жить с ним, Тимуром, под одной крышей.

Несколько раз я давала себе слово поговорить с Тимуром. Возможно, мы бы поссорились и даже разъехались, но, приди нам охота съехаться вновь, смогли бы вести себя как нормальные люди, говорить о своих чувствах и обсуждать свои проблемы. Но каждый раз, пытаясь заговорить с ним, я вдруг лишалась всего своего словарного запаса, а он взирал на меня с удвоенной подозрительностью, и я торопилась сказать какую-нибудь глупость, лишь бы поскорее уйти от опасной темы.

Мы продолжали истязать друг друга, и конца этому видно не было. Общий язык легко находили только в постели. Вот там мысли покидали меня и если иногда являлись, то были весьма оптимистичны, то есть мне всерьез казалось, что я его люблю. Но как только я произносила какое-то слово, помимо невнятного бормотания, Тагаев начинал смотреть с настороженностью, и все повторялось. Все это было похоже на катящийся с горы снежный ком. Оттого я и придумывала предлоги, чтобы попозже приходить домой. Ситуацию это отнюдь не улучшало.

Чем все это закончится, предугадать нетрудно. Я страдала от безысходности и неумения хоть что-то исправить. Тагаев тоже страдал и, должно быть, как и я, ждал, кто из нас первым отважится произнести роковое слово. «Что бы я ему ни сказала, он все равно не поверит», – подумала я, глядя на Тагаева. Он, точно очнувшись, резко поднялся, позвал Сашку и зашагал по аллее. Спину он держал прямо, шагал твердо, в нем чувствовалась непреклонная решимость все снести на своем пути.

Мы были странной парой, не очень гармоничной. То, что Тагаев до сих пор не покинул меня, хлопнув дверью, вызывало удивление. Он не относился к категории людей, готовых терпеливо сносить удары судьбы. Наверное, его любовь и впрямь была безгранична, но так как в мою он упорно не желал верить, все это в, общем-то, не имело значения. «Как люди могут испортить друг другу жизнь с самыми лучшими намерениями», – с горечью подумала я, собралась с духом и окликнула:

– Тимур!

Он не спеша повернулся и выдал мне улыбку. Разумеется, я тоже улыбалась. Думаю, так же искренне, как и он, то есть мы упорно продолжали валять дурака, исполняя роли в пьесе под названием «У нас все в порядке».

– Привет, – сказал он и сделал шаг мне навстречу. Сашка замер на месте, глядя на меня. Бедный мой пес здорово переживал. Подозреваю, если бы у него был выбор, он бы предпочел

остаться с Тагаевым, когда мы наконец расстанемся. Мысль об этом отравляла мое существование, и без того безрадостное. Выходило, что во всем виновата я. Возможно, так оно и было.

– Привет, – ответила я и поспешила им навстречу. Тимур наклонился и поцеловал меня. Если я не отвечу с энтузиазмом, он решит, что мне его поцелуи неприятны, если кинусь на шею, подумает, что делаю это нарочно. Так что я ограничилась еще одной улыбкой и поспешила спросить: – Давно гуляете?

– Минут сорок, – ответил Тимур.

– А я смотрю, свет горит, а вас нет. – Зачем я все это говорю? Глупые беспомощные слова... говорю потому, что молчание тяготит.

– Забыл выключить, – кивнул Тимур, быстро отводя взгляд.

«Что, тошно тебе?» – спрашивали его глаза. «Тошно, черт возьми, – хотелось ответить мне. – Тошно, когда тебя проверяют на вшивость двадцать четыре часа в сутки. Тебя не разубедишь, меня не переделаешь. Напиться бы с горя, а еще лучше – сбежать куда-нибудь. Напьюсь, решишь, что от горя, сбегу, подумаешь, что к Лукьянову. Полный бред».

Я взяла его под руку, и мы направились к дому. Я смотрела на его лицо, спокойное, с неясной улыбкой, и как будто читала его мысли. А он наверняка думал, что читает мои.

– Как твои друзья? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

– Отлично. Лялин помолодел, а Вешнякова просто распирает от самодовольства. Тебе от него привет.

– Спасибо.

– Как у тебя прошел день? – поспешно спросила я.

– Неплохо.

О своих делах он предпочитал молчать. Может, думал, что его дела меня не касаются, а может, сохранил эту привычку с тех времен, когда распространяться о его бизнесе в самом деле не стоило. Теперь Тагаев числился в крупнейших предпринимателях области и исправно платил налоги. Некоторое время назад я думала, что он махнет в политики (Лялин утверждал, что натура у Тагаева деятельная и парню требуется развернуться по-настоящему), но Тимура эта идея не увлекла. Он занимался своими делами, избрав рабочим местом заднюю комнату ресторана «Шанхай», принадлежавшего ему. Хотя офис тоже имел место, однако там он появлялся редко. В семь вечера он обычно приезжал домой, гулял с Сашкой или смотрел футбол. Друзей у него не было, да и не могло быть: наличие друзей предполагает хоть какую-то откровенность, а Тимур человек закрытый, с душой, застегнутой на все пуговицы. Дважды в неделю он играл в карты, трижды ездил в фитнес-клуб. Наша совместная жизнь была размеренной и событиями похвастать не могла. Прогулки, игра в шахматы, ужин все в том же ресторане. По выходным мы ездили за город, катались в зависимости от времени года то на лыжах, то на лодке. В апреле он купил яхту, но отправиться на ней в путешествие мы пока так и не собрались.

Если бы не его взгляд инквизитора, меня вполне бы устроила такая жизнь. Почему сам Тагаев предпочитал жизнь пенсионера – для меня загадка.

Сашка плелся сзади, мы несколько раз останавливались, поджидая его.

– У тебя завтра выходной? – спросил Тимур. В оригинале это должно звучать так: «Ты и завтра смоешься на весь день, несмотря на субботу?»

Интересно, сколько он еще продержится? И сколько все это выдержу я? Разумеется, вслух я сказала совсем другое:

– Выходной. С утра у меня кое-какие дела, но к обеду я освобожусь. Может, попробуем твою покупку в деле? – растягивая рот до ушей, спросила я. Меня саму тошнит от моей фальшивой улыбки.

– Хорошая идея, – кивнул Тимур, подхватывая Сашку на руки, потому что тот опять по неизвестной причине замер, и мы зашагали к дому.

Оказавшись в холле, Сашка поплелся на кухню, продолжая укоризненно поглядывать на меня. Тимур снял куртку, помог мне и спросил:

– Будешь ужинать?

– Нет. Спасибо. Чаю выпью с удовольствием.

Мы устроились на кухне. Сашка, проверив свои миски, ушел в гостиную смотреть телевизор, а мы стали пить чай.

– У тебя новая кофточка, – сказал Тимур. Он наверняка хотел быть внимательным, но мне все равно казалось, что звучит это издевательски.

– Купила вчера, – поспешно ответила я. – Забыла тебе показать.

Он кивнул, а глаза говорили: «Неудивительно. Странно, что ты вообще обо мне иногда вспоминаешь». Я покосилась на часы, слава богу, время позднее, можно завалиться спать.

Я вымыла посуду, Тимур просматривал газету, но я-то знала, что газета интересует его мало. На самом деле это хороший способ наблюдать за мной. Его взгляд жег мне затылок. Стало трудно дышать от досады и горечи. Я швырнула чашку в мойку, она жалко звякнула.

– Черт, – пробормотала я.

– Что-нибудь разбила? – спросил он ласково. Так ласково, что захотелось запустить эту чашку ему в лоб. Я резко повернулась. Он опустил газету на колени и смотрел на меня, насмешливо улыбаясь. Его вид был красноречивее всяких слов. «Ну давай, скажи мне, как тебе все это осточертело. Скажи, чего уж там, я переживу. Скажи, и эта дурацкая комедия наконец-то прекратится».

– Чашка выскользнула из рук, – ответила я, подхватив полотенце. Тщательно, не торопясь, вытерла руки и подошла к нему. На языке тела нам удастся говорить гораздо лучше. Я свернула газету, бросила ее на стол и устроилась у Тагаева на коленях. Провела рукой по его волосам, обняла его и потянулась губами к его губам. На мгновение настороженность покинула его взгляд, но лишь на мгновение. – Я соскучилась, – сказала я.

– Я тоже, – ответил он, а взгляд говорил другое: «Вкручивай. Ты целуешь меня, а думаешь о нем. Зря ты считаешь меня идиотом, я тебя насквозь вижу».

«Какого черта тот придурок не снес мне половину башки, – с отчаянием подумала я. Зареветь бы громко, с причитанием. – Забудь ты о нем, – хотелось сказать мне. – Раз я смогла, какого черта ты не можешь?»

Это не поможет. Не поможет. Что бы я ни сказала, он ничему не поверит.

– Ты мне сегодня приснилась, – прошептал он мне на ухо. – Ты мне часто снишься.

– Это хорошо?

– Наверное.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– Я скучаю без тебя.

– Я тоже.

Опять эта усмешка. «Если скучаешь, могла бы почаще заглядывать домой», – говорили его глаза.

– Тимур, – прошептала я.

– Да?

– Я люблю тебя. Я в самом деле тебя люблю.

Утром я проснулась часов в девять. Тимура рядом не было. Я слышала, как льется вода в ванной, таращилась в потолок и думала о том, что, если бы мы вдруг разучились говорить и исчезла бы необходимость подниматься с постели, жизнь можно было бы считать счастливой. Я встала и пошлепала на кухню. Сашка вертелся возле приоткрытой двери в ванную. Он так дорожил Тагаевым, что глаз с него не спускал.

– Подлая ты псина, – сказала я в досаде. – Совершенно игнорируешь меня. Предатель.

– Проснулась? – услышала я. Тагаев брился, стоя перед зеркалом. Я подошла, обхватила его и уткнулась носом в его спину.

– С добрым утром.

Вот так бы стоять и ничего не говорить. Он повернулся, обнял меня, и мы замерли под строгим Сашкиным взглядом. Наши мысли были на редкость схожи.

– Когда собираешься уходить? – спросил Тимур. – Успеем погулять с Сашкой?

– Успеем.

Я вышла из ванной, сварила кофе.

– Для разнообразия могла бы приготовить завтрак, – буркнула я. И в самом деле приготовила.

Когда Тимур появился на кухне, мы с Сашкой уже ждали его.

– Семейство в сборе, – хохотнул он, но в его словах не было насмешки. Я придвинула Сашке стул поближе к столу. Пес вредный и чудовищно избалованный, но с этим тоже приходилось мириться.

– Сейчас позавтракаем и пойдем гулять, – сказала я ему.

– Во сколько тебе надо уйти? – спросил Тимур. Хотя отчего бы не поинтересоваться: «Куда ты идешь и зачем?» Но он не спросит, гордость не позволяет.

– Я хотела встретиться с Дедом, – сказала я, не выдержала и отвела взгляд.

Упомянуть Деда при Тагаеве, конечно, не стоило. Когда-то мы с Дедом были очень близки. Тагаев об этом знал, и особого удовольствия ему данное обстоятельство не доставляло. К тому же, вопреки моим утверждениям, что между нами давно все кончено, Тимур считал, что мы по-прежнему остро нуждаемся друг в друге, что, в общем-то, не было совсем уж лишено оснований. Мы с Дедом уже давно жили по известной пословице «Вместе тесно, а врозь скучно». С Тагаевым их связывали общие дела, но оба от совместного бизнеса открещивались и на публике обожали делать вид, что даже незнакомы. Друг без друга они, похоже, обойтись не могли, но особой дружбы между ними тоже не было, чему имелись причины объективные. Со стороны Деда, лица официального и, как он любил выражаться, «государственного», было бы довольно неосторожно афишировать свою связь с Тагаевым, которого в городе, несмотря на занятие вполне легальным бизнесом, считали мафиози. Тагаев же был мудр и дружбу с властью не демонстрировал. Кроме объективных причин, имелись и субъективные, и одной из них, к моему величайшему сожалению, стала я сама. Дед хоть и болтал в припадке словоблудия, что хотел бы видеть меня счастливой рядом с молодым человеком, и даже что-то говорил о моих детях, которых мечтал держать на коленях, однако появление такового молодого человека в реальности не приветствовал, объясняя это тем, что Тагаев пара для меня неподходящая. Впрочем, подходящей он не видел, на что горько сетовал. То есть он хотел бы моего счастья, но, так как оно в принципе невозможно, мне лучше быть одной и рядом с ним. Тагаев о его мнении на этот счет знал или догадывался и, само собой, благодарности за таковое к нему не испытывал. При этом оба считали, что имеют на меня все права, а у соперника их попросту нет. Хотя считать Деда соперником довольно глупо, раз наши отношения благополучно зашли в тупик еще задолго до появления Тимура.

То, что я не ушла из команды, Дед считал своей заслугой, а Тимур, соответственно, доказательством того, что Дед занимает в моей жизни слишком большое место. И тот и другой были по-своему правы, и в наших отношениях, на мой взгляд, сам черт не смог бы разобраться при всем желании.

Я упомянула о Деде, желая сделать наш разговор с Тимуром более доверительным. Мол, я охотно и без принуждения рассказываю о своих делах и моя откровенность доказывает, что утаивать мне нечего. Дед – мой работодатель, и встречаться с ним время от времени мне приходится, хоть я к этому и не стремлюсь.

Но моя откровенность Тагаеву была без надобности. Он опять-таки все расценил по-своему и вместо вопросов: «Почему бы не поговорить с ним на работе?» и прочих в том же духе, обошелся коротким: «Да?» – и замер, предоставив мне самой решать, стоит ли что-то объяснять или нет. Разумеется, я решила, что не стоит, потому что все объяснения в глазах Тимура выглядели бы неуклюжими оправданиями. Его «да» повисло в воздухе. Мы надолго замолчали, и недавняя идиллия приказала долго жить, судя по всему, до вечера, точнее до ночи, когда мы опять начнем неплохо понимать друг друга.

Я быстро вымыла посуду. И мы отправились на прогулку, где обменялись несколькими репликами по поводу погоды и сошлись во мнении, что Сашка не по-собачьи умен и невероятно красив (Сашка все это слушал с явным удовольствием). Через полчаса мы вернулись домой, Тимур устроился в кресле с газетой, а я, поцеловав его, направилась в гараж. В последний момент я решила взять с собой пса и позвала:

– Сашка.

Тот вроде бы устремился за мной, но на полдороге замер, взглянул на Тагаева, который не соизволил оторвать взгляд от газеты, и, повесив голову, надеюсь, что все-таки от стыда, побрел к Тимуру.

«Свинья, – сказала я, правда, мысленно. – И поделом мне. Собственной собаке рядом со мной тошно».

Я выехала из гаража и сразу же почувствовала себя гораздо лучше. Открыла окно, подставив лицо весеннему ветру, и принялась беспричинно улыбаться. Правда, тихое счастье длилось недолго. Деду я не позвонила, намереваясь застать его врасплох, и сейчас жалела об этом, потому что была уверена: меня постигнет очередное разочарование, ибо старого змея застать врасплох невозможно. То есть в любом случае он начнет хитрить, изворачиваться и правды не скажет.

Хотя сегодня суббота и у нормальных людей выходной, вовсе не факт, что я обнаружу его дома. У слуг народа дел невпроворот. Он вполне мог служить отечеству и по субботам. А если все-таки у него выходной, ничего не мешает ему отправиться на дачу с какой-нибудь девицей, которых у него пруд пруди. Будучи вдовцом, он мог не опасаться общественного мнения, но предпочитал встречаться с дамами в местах уединенных. «Хороша я буду, если он изменил своим правилам и я им кайф поломаю», – с опозданием подумала, сворачивая во двор дома, где жил Дед.

Дом был малоквартирным, с подземным гаражом и охранником, которого именовали консьержем. При виде меня охранник обрел бравый вид, улыбнулся и вежливо поздоровался. Я появлялась здесь редко, но меня он, конечно, узнал.

– Игорь Николаевич у себя? – спросила я с ответной улыбкой.

– Так точно, – доложил консьерж и вызвал мне лифт, хотя на второй этаж я могла бы подняться и на своих двоих. В доме всего три этажа, зато два лифта. Я решила не отказываться от благ цивилизации и вошла в кабину.

Когда я поднялась на второй этаж, Дед ждал меня возле распахнутой двери своей квартиры. В том, что охранник предупредил его о моем визите, я не сомневалась, а гостеприимству Деда порадовалась. Судя по улыбкам, которые он расточал, мой благодетель пребывал в хорошем настроении. Впрочем, как я уже говорила, хорошее настроение на его откровенности никак не сказывается.

– Рад тебя видеть, – заявил он, заключив меня в объятия. – Отлично выглядишь.

– Спасибо, ты тоже, – не осталась я в долгу, и, кстати, сказала чистую правду, Дед и впрямь выглядел отлично. Есть мужчины, которых возраст украшает. То есть Дед и двадцать лет назад выглядел хоть куда, но седая шевелюра и сеточка морщин возле глаз придавали ему шарм, смягчив холодный взгляд и твердость подбородка, который он имел привычку выпячивать, когда злился или был просто чем-то недоволен. Теперь он вполне мог сойти за мудрого

человека, снисходительного к чужим проступкам и глупости. Очень удобная маска для хищника, каковым Дед являлся в реальности. Впрочем, иногда он был способен на благородный поступок, и мудростью его бог не обидел. И то, и другое он умело использовал в своих целях.

Я не встречала человека, который равнодушно отнесся бы к Деду. Его либо ненавидели, либо обожали. И те, и другие не знали меры, негодуя или восхваляя его. Пожалуй, никто не знал его так хорошо, как я, а я его знала с тех самых пор, как начала глядеть на этот мир осмысленно. Могу сказать, что он одинаково достоин и ненависти, и любви. Он был другом моего отца, когда-то я его боготворила. Если бы наши отношения не развились в сторону, далекую от дружеских, возможно, я бы и по сей день относилась к нему с обожанием, но он стал моим любовником. Иногда это позволяет узнать человека так хорошо, что от прежних иллюзий ничего не остается. В моем случае иллюзии исчезли, а любовь осталась. Я не смотрела на него с обожанием, не жаждала его прикосновений, но вместе с тем он был очень близким мне человеком, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Я перестала бороться и научилась с этим жить.

– Проходи, – сказал Дед, выпустив меня из объятий, и повел в гостиную. – Рад, что ты пришла.

Что их роднит с Тагаевым, так это терпение. Он делал вид, что мой приход – вещь обычная, и не торопился спросить, с какой стати я явилась утром в субботу к нему домой, не соизволив заранее предупредить по телефону.

– Ты один? – спросила я не без язвительности.

– Конечно, – удивился он, точно пребывал в монастыре, о чем, безусловно, известно всему миру. – Хочешь кофе? Или чай?

– Лучше чай, – кивнула я и вместе с ним прошла на кухню.

Дед принялся суетливо снова по кухне, заглядывая в многочисленные шкафчики. Не очень-то хорошо он знал, что и где у него хранится. Я поднялась и сама приготовила чай, потому что, в отличие от него, все прекрасно помнила. Впрочем, не такая уж это заслуга, если учесть, что с тех самых пор, как Дед въехал в эту квартиру, здесь ничего не менялось. Он был консервативен и не особо жаловал перемены. В своем быту уж точно не жаловал.

– Ты отлично завариваешь чай, – счел он своим долгом заметить.

Когда Дед в хорошем настроении, он любит говорить мне что-нибудь приятное, но в хорошем настроении я его видела не часто, хотя он убежден, что это только моя вина. Скорее всего, и сегодня традиция не будет нарушена. Вряд ли Дед очень обрадуется, когда узнает, с чем я явилась.

– Спасибо, – улыбнулась я, желая показать, как ценю его стремление сделать мне приятное. Как известно, доброе слово и собаке в радость, а я почти так же чувствительна. В холодильнике нашлись пирожные, из чего я заключила, что кто-то из дам не так давно был здесь. Конечно, Дед в состоянии купить пирожные и сам, но только для госты, потому что к еде он был равнодушен, а ходить по магазинам просто ненавидел.

Чай мы пили в молчании, одаривая друг друга нежными взглядами. Дед наверняка гадал, что привело меня к нему, а я прикидывала, как бы половчее донести до него мысль о том, что ко всеобщему благу иногда полезно поделиться с близкими кое-какой информацией. Ни он, ни я первым заговаривать не собирались, но Дед приглядывался ко мне теперь с особым вниманием.

Через минуту выяснилось, что наши мысли были довольно далеки и несхожи, потому что он все-таки спросил:

– У тебя все в порядке?

В голосе слышалось беспокойство и неподдельный интерес. Тут до меня с опозданием дошло, что мой визит в субботу к нему домой, а не в кабинет в рабочее время, откуда Дед руководил народом, дал повод думать, что привела меня сюда не забота о его благе, а личные

проблемы. Обидели сироту, и я прибежала к благодетелю жаловаться на жизнь. Так и есть. Дед взял мою руку, легонько сжал.

– Что произошло?

– В мире много чего, – бодро ответила я, кляня себя на чем свет стоит за бестолковость. – В городе тоже, наверное, есть события. У меня лично – никаких.

Руку он выпустил и нахмурился.

– Я думал, что имею право... – недовольно начал он, но я перебила:

– Возможно, я испорчу тебе настроение, но мои чувства к тебе заставляют меня идти на такой риск, потому что...

– Заткнись, – прервал Дед поток моего красноречия. Хорошее настроение как ветром сдуло. Он смотрел на меня сурово, с явным недовольством, и я вздохнула, демонстрируя покорность судьбе. – В чем дело, черт возьми?

– Этот вопрос очень бы хотела задать тебе я, да боюсь как всегда не получить ответа. – Я скроила страдальческую физиономию. – Но надежда умирает последней, и я все-таки пришла. Можешь выгнать меня сразу, а можешь чуть позже. Лучше чуть позже.

– Иногда ты бываешь совершенно невыносима, – покачал он головой.

– Ты тоже, – вздохнула я.

– Ну, что у тебя? Говори.

– У меня, точнее у нас, труп.

– О господи... – Дед раздраженно отодвинул чашку. Я даже забеспокоилась, что он возьмет да и треснет по столу кулаком. Обошлось. – Я думал, ты пришла... еще обрадовался, старый дурак. Думал, соскучилась. Посидим, поговорим по душам...

– Я по душам как раз и не отказываюсь, – торопливо влезла я. – Если бы ты вдруг открыл мне душу... не всю целиком, рассчитывать на такое моего нахальства не хватит, а всего-то по одному-двум пунктам. Это бы значительно облегчило мне жизнь.

Дед продолжал смотреть на меня с неодобрением.

– И что труп? – поинтересовался он сердито.

– Труп сам по себе совершенно обыкновенный, но обстоятельства, связанные с ним...

– Тебе-то что за нужда с трупами возиться? – поморщился Дед. – Ты мой пресс-секретарь, и трупы совершенно не твое дело.

– Это как посмотреть, – вздохнула я. – Можно я тебе о нем поподробнее расскажу?

– От черта молитвой, а от тебя ничем, – махнул он рукой. – Рассказывай.

– Спасибо большое. Так вот, пару дней назад в больницу «Скорой помощи» привезли паренька с травмами, несовместимыми с жизнью.

– Это дело милиции, – не удержался Дед. – Тебе что, нечем заняться?

– Не мог бы ты выслушать мое повествование до конца, не отвлекаясь на комментарии?

– Мог бы.

– Еще раз спасибо. Итак, парень лежит в реанимации и, как это часто бывает, бредит. Кое-что в его бредовых высказываниях медсестру насторожило, и она сообщила в милицию. На звонок отреагировали, в больницу пришли, но услышанным не впечатлились.

– А надо было? – не выдержал Дед, как и большинство людей, он иногда был любопытен. – Что он болтал?

– Что-то про киллера, который вот-вот должен прибыть в наш город.

– И что? – Теперь он выглядел искренне удивленным. Я даже подумала: может, у меня в самом деле крыша съехала и всюду мерещатся заговоры?

– Ну... вроде бы киллер не простой, а из дорогих, так что цель у него должна быть серьезная.

– И ничего толковее у него вызнать не удалось?

– Не удалось. Бред, он и есть бред, а парень вдруг скончался. Он пули в сердце.

– Прискорбно, – совершенно серьезно заметил Дед. – Только я по-прежнему не пойму, тебе-то что за дело до всего этого? Мне известна твоя нездоровая страсть вечно лезть куда не просят, но... Говоришь, в милиции не впечатлились? Так, может, в его словах ничего и не было?

– Я бы тоже так подумала, если б не его преждевременная и насильственная кончина.

– Хорошо, допустим, кто-то от кого-то решил избавиться, и с этой целью наняли киллера. Я-то здесь при чем?

– Я испытываю обоснованное беспокойство. Точнее, поначалу его испытывал Ларионов, а теперь уж мы вместе. Ларионов – это начальник твоей охраны, если ты успел забыть.

Дед смотрел на меня с недоумением, полминуты смотрел, не меньше, потом вдруг рявкнул:

– Вы что, спятили? Вместе с Ларионовым?

– Он спятил первым, – поторопилась наябедничать я. – Я уже позднее и под впечатлением. Слушай, не смотри на меня так. Я понимаю, что тебе хочется запустить в меня чем-нибудь тяжелым, но...

– Ты что, всерьез решила... – Дед вроде бы от гнева лишился дара речи. – Черт-те что... А этот идиот... – Идиот, надо полагать, Ларионов. – От безделья совсем спятили.

– Разделяю твое возмущение, – удалось вставить мне словечко. – Но ведь на все это можно взглянуть иначе, под другим углом зрения. И тогда выйдет, что начальнику твоей охраны вполне естественно проявлять беспокойство и даже предпринимать кое-какие шаги.

– И он не придумал ничего умнее, как втравить в это дело тебя?

– «Втравить» все-таки сильно сказано, – поправила я. Хотя я и не испытывала добрых чувств к Ларионову, зато обладала развитым чувством справедливости, так мне по крайней мере казалось. – Он обратился ко мне, потому что, зная твой характер, нетрудно предположить, что ты ему скажешь, надумай он обратиться к тебе. А мы с тобой вполне могли бы поговорить по-семейному. Это не я, это он так думает.

– Поторопился спихнуть ответственность на чужие плечи, – хмыкнул Дед. – Я Ларионова знаю так же хорошо, как и он меня. Так что не старайся запудрить мне мозги. Начальнику охраны незачем являться ко мне с подобной историей, а вот узнать, что к чему... и не втравливать в это тебя...

– Игорь, – вздохнула я. – Скажи мне, пожалуйста, могут наши догадки иметь хоть какое-то основание в действительности? Ты бы очень мне помог.

– Хочешь, чтобы я ответил, есть ли люди, желающие моей смерти? А то ты сама не знаешь? Таких пруд пруди. Но одно дело желать...

– А мог кто-то так пожелать, что даже забыл о благоразумии?

Дед нахмурился и некоторое время сверлил меня взглядом. Я с честью выдержала испытание.

– Все-таки я не понимаю, – изрек он. – С какой такой стати ты решила, что появление в городе киллера может быть связано со мной?

– Ну... кое-какие слухи... смутные, но беспокоящие. Такой ответ тебя устроит?

– Слухи? – насторожился он. – Очень интересно. И ты...

– Я пришла к тебе, чтобы услышать, есть ли у тебя проблемы, которые кто-то желал бы разрешить определенным образом. Я думала, что ты для разнообразия ответишь откровенно. И, как всегда, оказалась не права. Это я считаю тебя близким человеком, а у тебя на этот счет свое мнение. – Я встала с намерением покинуть его. Ясно, что ничего он мне не скажет, а заниматься пустой болтовней мне уже надоело. Дед сердито махнул рукой, призывая меня вернуться в кресло. Я со вздохом села и принялась разглядывать чашку.

– Этот парень, там, в больнице... что конкретно он сказал?

– Конкретно не знаю. Когда я его увидела, он был уже мертв. И никто не потрудился записать его слова на диктофон.

– Может, тогда и не стоит воспринимать его бред серьезно? – как-то неуверенно произнес Дед.

– Хорошо. Не стоит так не стоит. Мне пора. У меня запланирован визит к косметологу.

– Детка, – поморщился он, – я говорю серьезно. Если ничто в его словах не указывало на меня, с таким же успехом возможной мишенью могут быть еще пять десятков людей в нашем городе. Разве нет?

– Могут, – охотно согласилась я. – Но, в отличие от тебя, оставшиеся сорок девять меня волнуют не так сильно. То есть я бы могла сказать, что они меня вовсе не волнуют, но звучит это как-то невежливо.

Дед поднялся, обогнул стол и возложил руку на мое плечо.

– Я понимаю. И не думай, что не ценю это.

– А в знак понимания и светлой дружбы ты не мог бы...

– Все это глупости. И Ларионов дурак, что сунулся к тебе. Я абсолютно убежден, что твои опасения напрасны. Такой ответ тебя устроит?

– Он бы меня устроил, знай я наверняка, что ты вполне объективен. А если нет?

Я ожидала хорошей затрешины, но Дед рассмеялся.

– В этом вся ты. Тебе мало услышать ответ, тебе непременно надо во всем разобраться и уж тогда самой решить... Разбирайся на здоровье, – совершенно неожиданно закончил он. – В конце концов, береженого бог бережет. Так что займись этим делом. Найди киллера, засади его в тюрьму, заодно узнай, кто его нанял.

– Ты серьезно? – не поверила я.

– Конечно. Ты ведь все равно полезешь. Чего ж понапрасну отговаривать тебя от этой затеи. Предотвратишь преступление или хотя бы убедишься, что... Довольна? – спросил он с усмешкой.

– С чего это мне быть довольной? – буркнула я. – Просто мне было бы гораздо спокойнее... Я тебя предупредила, а там пусть менты преступления предотвращают.

– Ну уж нет, – покачал он головой. – Теперь я настаиваю... Короче, ты поняла. Выясни, в чем там дело.

Признаться, такое поведение Деда меня разозлило. Гадай теперь, что все это значит: есть у него неведомые враги или нет. Или он решил загрузить меня работой, чтобы глупостями не досаждала? Разумеется, Дед и раньше давал мне задание «разобраться», и я неоднократно проводила для него расследования и так поднатерела в этом, что часто, переусердствовав, получала по шее. Именно излишнее усердие, которое подчас шло вразрез с интересами Деда, и послужило причиной того, что я в свое время покинула дом с колоннами и до сих пор до конца туда не вернулась, так и не решив, стоит ли это делать. Однако прежде цель хоть и смутно, но все же маячила на горизонте. Сейчас я вовсе ее не видела. Если Дед, все-таки опасаясь за свою жизнь, дал мне это задание, логично намекнуть... Впрочем, ждать от него такой милости глупо. Дед – это Дед, и ход его мыслей проследить невозможно, особенно такому существу с ограниченным мышлением, как я. Человек, который опасается за свою жизнь, все-таки должен вести себя иначе. Просто обязан насторожиться. Впрочем, старый змей, когда хотел, умело скрывал эмоции. А если он возомнил себя великим до того, что просто не в состоянии поверить, что кто-то отважится и посягнет? Очень многие типы, помешавшиеся на своей исключительности, теряли ощущение реальности и прямехонько оказывались на кладбище. Мог Дед так заиграться? Черт его знает. С другой стороны, если он уверен, что ничегошеньки ему не грозит, зачем посылать верного оруженосца, то есть меня, для прояснения дела. Тем более, по его собственному утверждению, для этого существуют менты, которым стараниями Деда недавно прибавили зарплату? Нет, тут положительно что-то было. Дед так просто ничего не

делает. Я даже не удивлюсь, что господин Ларионов возник в баре, где я коротала вечер, отнюдь не по собственной инициативе, а по мудрому наущению работодателя. Я мысленно скривилась, однако понять, что за хрень творится в Датском королевстве, мне захотелось даже больше.

– Давай сменим тему, – бодро предложил Дед, приглядываясь ко мне. – Расскажи, как ты живешь?

– Хорошо живу, – поспешно отозвалась я и добавила, пока он не начал строить из себя отца родного: – А ты как думал?

Разумеется, Деду это не понравилось, не то, что я хорошо живу, хотя и тут возможны варианты, а то, что не даю ему возможности проявить отеческую заботу. Однако он постарался скрыть раздражение за понимающей улыбкой.

– Ты счастлива? – не унимался он.

– Вчера точно была счастлива, пока не обнаружила труп, потом уже не очень, потому что труп имеет место быть, а ты, по обыкновению, темнишь и недоговариваешь.

– Не говори глупости, – посуровел он, но тут же отеческая улыбка вновь преобразила его черты. – Ты в самом деле счастлива с этим типом?

Ну, вот, приехали. Разговоры по душам я ненавидела еще больше трупов, особенно когда сказать друг другу давно нечего.

– Нет, – покачала я головой. Дед насторожился.

– Нет?

– Ты ведь это хотел услышать? Я сделала ошибку и теперь орошаю подушку слезами. К тому же стыжусь, что пала столь низко в глазах твоего электората...

– Прекрати, – разозлился Дед. На этот раз он злился всерьез, но тут же в его голосе появилась досада. – Скажи на милость, почему я не могу тебя спросить, а ты просто ответить?

– Этим вопросом я задавалась полчаса назад, – кивнула я.

– Я тебя о личном спрашивал.

– Я тебя тоже.

– Не хочешь, не говори, – отмахнулся он. – Но счастливой ты не выглядишь. Каждый вечер сидишь в баре. Пьешь?

– Ты же знаешь.

– Все равно. Бар неподходящее место для счастливой женщины.

– А парк?

– Что – парк?

– Парк подходящее? Я могу переместиться туда, чтобы доставить тебе удовольствие.

– Ты доставишь мне удовольствие, когда порвешь с этим типом.

– Вона как... – присвистнула я. – Я думала, вы друзья, точнее – деловые партнеры. Как-то невежливо...

– Прекрати паясничать, – отмахнулся Дед. – Дело совершенно не в том, что твой Тагаев... Хотя, прежде чем связываться с таким типом, не худо было бы подумать об общественном мнении. Впрочем, для тебя общественное мнение чепуха. Так вот, дело даже не в том, что мой помощник по связи с общественностью открыто живет с недавней шпаной (Дед Тагаева иначе как шпаной не именовал, очень ему нравилось это словечко), а в том, что ты сделала никуда не годный выбор. Вы не подходите друг другу, и, даже если ты сто раз скажешь, что счастлива, я все равно не поверю.

– Еще бы... Я тоже предпочитаю не верить в то, что мне не нравится. Вот сейчас, к примеру, я не верю, что пятнадцать минут назад ты злостно пудрил мне мозги... – Дед поморщился, а я продолжила: – И жить с ним открыто в самом деле не стоило. То ли дело втихаря, это бы общественное мнение не покорило. А по поводу «не подходим» тоже не факт, крайности, как известно, совпадают.

– Я понимаю, – мягко сказал Дед, глядя на меня с печалью. – Тебе нелегко признаться... Но если ты просто боишься порвать с ним... Он что, угрожал тебе?

Я поднялась и пошла к двери.

– Ты ни за что не поверишь, но мне нравится этот парень, – весело сообщила я, и, между прочим, говорила правду, он мне в самом деле нравился. Другое дело, что сам Тагаев поверить в это, как и Дед, не в состоянии. «Как они, в сущности, похожи», – некстати подумала я.

– Иногда очень трудно признаться в своих ошибках, – глубокомысленно изрек Дед.

– Это мне знакомо, – согласно кивнула я.

– Хочешь, пообедаем вместе? – засуетился Дед, что ему, в общем-то, несвойственно. – Или съездим куда-нибудь? За город? Хочешь? Погуляем в лесу. Сейчас в лесу должно быть прекрасно...

– Но наслаждаться этим придется кому-нибудь другому, – вздохнула я. – Хочу побеседовать с медсестрой. Может, узнаю что путное, раз ты предпочитаешь играть в молчанку.

– Детка...

– Я, конечно, давно привыкла к этой милой кличке... – натягивая кроссовки, заметила я. Могу поклясться, он покраснел. От этого зрелища у меня глаза на лоб полезли. Воспользовавшись моей растерянностью, Дед обнял меня и запечатлел на моих устах поцелуй. Лишь с очень большой натяжкой его можно было назвать отеческим.

– Не думай, что я не ценю твоего отношения ко мне, – тихо сказал он. – Напротив, очень ценю. И я прекрасно понимаю, какие чувства тобой движут. Ты боишься за меня. Потому что любишь. Так ведь?

– Конечно.

– И я тебя люблю.

– С каждым разом в это все труднее и труднее поверить.

– Скажи, если я попрошу, если я очень попрошу, ты его бросишь?

– Зачем? – искренне удивилась я и нарвалась. Дед, конечно, разозлился.

– Что касается любовников, ты всегда умудрялась сделать наихудший выбор.

– Ты же не себя имеешь в виду?

– Все равно не поверю, что ты его любишь, – сказал Дед, а я пробормотала, покидая его квартиру:

– Похоже, мне никто уже не верит. Люди стали недоверчивы. В них умерла романтика, остался сплошной материализм.

Хоть я и не ожидала всерьез узнать от Деда что-нибудь, способное прояснить ситуацию, однако наш разговор меня огорчил. Особенно в той его части, что касалось Тагаева. Деда я знала хорошо и не могла не отметить, что о моем возлюбленном он говорил с горячностью и злостью, вовсе неподходящими его сединам, и оставить Тагаева предложил мне всерьез. Если это ревность, то еще полбеды, а если... Вот об этом «если» думать мне совершенно не хотелось, особенно в свете последнего задания.

Если деловые партнеры ссорятся, то, как правило, всерьез, а если предмет ссоры большие деньги (а в нашем случае они большие-пребольшие), то и головы летят совсем легко. Очень может быть, что Дед заподозрил Тагаева в коварстве, оттого-то и поручил мне разобраться с предполагаемым киллером. И про чувства спрашивал. Ох, как не жалую я такие задания, начнешь копать на свою голову. Я даже замерла на последней ступеньке от внезапно открывшихся неприятных перспектив.

– Мама дорогая, – промычала я и тут сообразила, что охранник смотрит на меня с недоумением. Я выдала ему свою лучшую улыбку и поспешила покинуть дом.

Уже в машине я подумала: а почему бы не поговорить с Тагаевым, чтобы выяснить его мнение на этот счет? И тут же отвергла подобную идею. Говорить с Тагаевым о его делах еще

затруднительнее, чем с Дедом. Тот слова в простоте не скажет, юлит и изворачивается, а этот просто молчит, как пень с улыбкой Моны Лизы. Значит, придется приложить старание и разобратся самой. Теперь у меня есть занятие, за что могу сказать спасибо близким людям. Удружили.

Если разговор с Дедом меня, мягко говоря, озадачил, то последующие события и вовсе вызвали изумление. Удивляться я начала в основном в понедельник, но и суббота в этом смысле тоже кое-чем порадовала.

Оказавшись в машине, я первым делом позвонила Сергееву. Он скромно напомнил, что суббота считается выходным днем, по крайней мере, у нормальных людей. Я ответила, что в нормальность ментов все равно никто не поверит, с чем он поспешно согласился. Через полчаса он ждал меня возле больницы, прогуливаясь у дверей, курил и всем своим видом демонстрировал скуку и покорность судьбе.

– Привет, – сказал он мне без энтузиазма, когда я припарковала свою машину рядом с его тачкой. Выглядела она так паршиво, что оставалось лишь гадать: то ли машина за древностью лет начала разрушаться сама по себе, то ли ездок Сергеев совершенно никудышный.

– Нравится мне твоя машина, – задумчиво изрек он.

– А мне твоя нет.

– Еще бы, – радостно фыркнул он и спросил: – Знаешь, сколько ей лет?

– Знаешь, сколько лет Шер? А выглядит прекрасно.

– А это чего такое?

– Это американская певица. Беда с вами, ментами, самый темный народ на свете.

– Вот только и дел мне на певиц смотреть. – Сергеев отбросил сигарету в кусты, хотя неподалеку радовала глаз урна, и с постным лицом вздохнул, тем самым давая понять, что болтовня кончилась и мы приступаем к разговору. – Значит, все-таки будешь участвовать в следствии? – вежливо спросил он. Артем в таких случаях говорил «будешь везде совать свой нос» и «путаться под ногами».

– А тебе Ларионов больше нравится? – не удержалась я, хотя и боролась с собственной язвительностью, которая нет-нет да и давала себя знать.

– Что ты, что ты, – в притворном испуге замахал он рукой. – Ты мне нравишься гораздо больше.

– Вот видишь, значит, можно считать, что тебе повезло. Давай рассказывай, чего нарыли.

– Особо порадовать нечем. Отпечатков никаких, никто ничего... правда, девчушка из соседнего отделения пошла покурить вон в те кусты и видела парня в серой куртке, который свернул за угол, и вроде бы карман у него топорщился. – Сергеев скривился.

– Думаешь, девчонка фантазирует?

– Почему? – пожал он плечами. – Вполне могла кого-то видеть. Не скажешь, что здесь особо оживленно, но люди все-таки ходят.

– Чего тебе не нравится? – спросила я, приглядываясь к нему. Сергеев на мгновение замешкался, точно прикидывая, стоит отвечать или нет, потом кивнул: – Идем. – И повел меня к торцу здания.

Два ряда окон и труба, то ли газовая, то ли еще какая-то, не очень я в этом разбираюсь. Водосточная труба тоже имела, но она была довольно далеко от окна. Пожалуй, слишком далеко. Сергеев стоял рядом, как и я, задрал голову, и молчал. Потом не выдержал и подал голос:

– Ну, как тебе?

– Да-а, – протянула я. – А как он окно открыл?

– Разбил стекло, – вздохнул Сергеев.

– Затеяник, – покачала я головой.

– Ага. И все это в светлую пору, а не под покровом ночи.

– И руки у парня должны быть обезьяньи, чтобы за трубу держаться, да еще стекло разбить.

– Да так аккуратно разбить, что никто шума не услышал, – поддакнул Сергеев.

– Значит, окно, скорее всего, ложный след, – подвела я итог. – И мент у дверей палаты врет, что никуда не отлучался.

– Может, врет, а может...

– Чего может? – нахмурилась я, некоторая маета Сергеева меня все-таки насторожила. Он взглянул на меня, нахмурился, после чего с минуту помалкивал.

– Тут ребятишки в костюмах понабежали и очень рекомендовали версию с окном. И девушку, что парня видела, они нашли. То есть данная версия их очень устраивает.

– Почему? – не удержавшись, задала я глупый вопрос.

– Я надеялся, может, ты знаешь, – вздохнул Сергеев.

– Думаешь, ребятишки в костюмах имеют какое-то отношение к убийству?

Сергеев пожал плечами и вновь нахмурился.

– Тебе лучше знать, что может, а что нет. Ты у нас с властью в дружбе, а мы что... Нам сказали, убийца по трубе поднялся, значит, так и есть. Наше дело...

– Твое дело выполнять работу, за которую тебе деньги платят, – разозлилась я. Сергеева так и подмывало ответить, но он смолчал. А я продолжала теряться в догадках. – Ладно, – по прошествии некоторого времени, в продолжении которого мы стояли, разглядывая стену, произнесла я, – пойдем с народом потолкуем.

– Пойдем, – не без яда отозвался Сергеев. Понимать это надо было следующим образом: «А то без тебя не говорили». Так оно, конечно, и было, но теперь я совсем не была уверена, что кто-то очень старался.

Мы поднялись по ступенькам к центральному входу. В больнице, несмотря на субботний день, царило оживление. Пациенты отделения устроились возле телевизора на посту медсестры, сама медсестра отсутствовала. Зато в ординаторской мы нашли врача. Увидев нас, он непроизвольно поморщился. Все яснее ясного, достали человека вопросами.

– Чем обязан? – со вздохом поинтересовался он.

– Простите за назойливость, – сиротски начала я, – но у нас есть еще вопросы.

– Задавайте. Только вряд ли я что-то новое смогу сказать.

– Мы, собственно, хотели бы еще раз осмотреть палату, – улыбнулась я. – Это возможно?

– Конечно. Она в настоящий момент пустует. Идемте.

По коридору мы прошли в отделение реанимации. Здесь все было, как в прошлый мой визит, только милиционер не сидел на стуле возле палаты. Врач распахнул дверь и пропустил нас вперед. Окно было закрыто, разбитое стекло успели заменить. Я пододвинула табурет, открыла окно и взобралась на подоконник под критическим взглядом Сергеева.

– Ну, что? – спросил он.

– Ну, если парень работал в цирке...

Я спрыгнула на пол, оглядела палату. Чисто теоретически убийца, конечно, мог проникнуть сюда через окно, мог и стекло разбить, вообще много чего мог, и среди киллеров действительно встречаются циркачи, но почему-то теперь в это упорно не верилось.

– Рядом точно такая же палата? – спросила я.

– Да, – ответил врач, – но там сейчас ремонт. Месяц назад штукатурка отвалилась, хорошо, хоть никто не пострадал. После этого решили привести это крыло в порядок.

– Можно посмотреть?

– Да ради бога, – пожал он плечами.

Мы вышли из палаты, и я подумала, что следов ремонта в коридоре почему-то не видно. Врач уверенно прошел мимо соседней двери, мы миновали коридор, он открыл дверь (ключ торчал в замке), и мы оказались на лестничной клетке. Тут ремонт шел полным ходом. Мы

спустились на один пролет и вновь поднялись, но уже по другой лестнице. Здесь тоже был коридор, дверь распахнута, рабочих не наблюдалось, но следы их деятельности были: повсюду груды мусора, рабочий инструмент. Мы прошли коридором мимо нескольких дверей, пока возле одной не остановились.

– Это здесь, – сказал врач, распахивая ее.

Палата напоминала ту, в которой мы только что были, за тем лишь исключением, что эта была пуста. Окно закрыто пленкой, чтобы не забрызгать стекла при покраске. Справа еще одна дверь, тоже закрыта пленкой.

– Я правильно поняла, у палаты два входа? – пытаюсь разобраться в хитросплетении архитектурской мысли, спросила я.

– Как видите. Сейчас эту дверь закрыли, чтобы не таскать в отделение грязь.

Я подошла и подергала дверь, в самом деле заперта. Сергеев наградил меня очередной насмешливой улыбкой.

– Одна дверь выходит в один коридор, другая в другой, – кивнул он. – А окно с торца. Можешь убедиться.

Я подошла к окну, так и есть.

– Занятно, – пробормотала я.

– Занятно, только ничего это нам не дает. С таким же успехом парень мог и по трубе подняться.

– Это точно, – не стала я спорить.

Однако теперь я была уверена: киллер, кто бы он ни был, вряд ли проник в палату через окно. Он прошел в отделение, воспользовавшись этой лестницей, для профессионала хлипкий замок в двери не проблема. Но было два «но»: рабочие, которые могли обратить на него внимание, что для киллера нежелательно, и мент, что дежурил возле палаты. С рабочими вопрос разрешился сразу. По словам Сергеева, они обычно работали до 17.30, а в пятницу ушли на час раньше, и к моменту убийства здесь никого не было.

– Ты здесь еще постоишь или можем идти? – спросил Сергеев.

– Идем, – кивнула я. – А этот коридор куда ведет? – спросила я врача, когда мы покинули палату.

– На другую лестничную клетку, – ответил он.

– То есть весь этаж можно обойти по кругу? При этом на каждом этаже четыре лестницы?

– Пять. Одна пожарная. Эта как раз в конце коридора.

– Можно взглянуть?

На этот раз он ничего не ответил, просто пошел вперед, указывая нам дорогу.

Дверь, выходящая на пожарную лестницу, была наполовину стеклянной, стекло в двух местах треснуло. К моему удивлению, она оказалась не заперта.

– Ее что, никогда не запирают?

– Понятия не имею, – отозвался врач. – Может, открыли, чтобы проветрить помещения, краской пахнет невыносимо.

Конечно, запах сильный, и дверь могли открывать, чтобы не задохнуться, но, когда рабочих нет, логичнее ее все-таки запирать. Хотя больничные порядки мне неизвестны.

– Рабочие по выходным не приходят?

– Не знаю. Это вам лучше у завхоза выяснить.

– Он сейчас здесь?

– Возможно. Спуститесь в полуподвал, там его кабинет.

– Если не возражаете, мы бы еще раз заглянули в палату, где произошло убийство.

Врач опять пошел вперед, не отвечая. По дороге я заметила поллитровую банку с остатками какой-то жидкости и прихватила ее. В банке оказалась вода пополам с побелкой.

– Где это можно вымыть? – обратилась я к врачу. Чувствовалось, что он сыт по горло общением со мной, но продолжал проявлять терпение.

– Вон там туалет.

Когда я вернулась из туалета, мужчин в коридоре уже не было, я нашла их возле дверей палаты.

– Если я больше не нужен... – сказал врач и, не дожидаясь ответа, зашагал в ординаторскую.

– Ну, что дальше? – спросил Сергеев.

– Стой возле двери, – вздохнула я, вошла в палату, достала из сумки платок, завернула в него банку и с размаха ударила ею по подоконнику. Дверь тут же открылась, и Сергеев спросил:

– Чего разбила?

Я продемонстрировала платок и выбросила осколки банки вместе с платком в мусорную корзину в туалете напротив.

– Звук был негромким, но ты услышал, – сказала я со вздохом.

– Потому что слушал. А парень что делал?

– Книжку читал.

– Вот-вот, – вздохнул Сергеев. – Да все правильно ты говоришь, – поморщившись, продолжил он. – Ясно, что мент куда-то отлучался, сам или попросил кто. И в окно киллер не влезал, зачем? Вон она дверь, рядом. Появился из коридора никем не замеченный и сразу в палату, сделал выстрел и опять нырнул в ту же дверь. Пост медсестры довольно далеко, со своего места обе эти двери она видеть не может, я проверял. Застрелив парня, киллер вышел на пожарную лестницу и спустился по ней. Кстати, с той стороны деревья и заросли сирени, идеальное укрытие.

– Ну и что ж тогда ты мне голову морочишь? – хмыкнула я.

– Это не я, – покачал он головой. – Это наши общие друзья и коллеги.

– Скажи, что ты об этом думаешь?

– Ох ты, господи. – Он засмеялся, вышло зло, а вовсе не весело. – Я думаю, это убийство никому не интересно. Я бы даже подумал, что тебя мне специально подсунули, чтобы мы толком ничего не искали, если б не одно «но».

– Какое?

– Вешняков отзывается о тебе как об исключительно порядочном человеке. И вообще, бытует мнение в народе, что ты на нашу власть плюешь с высокой башни и все делаешь по-своему. Правда?

– На них, пожалуй, плюнешь, – хмыкнула я. – Слюной подавишься.

– Тоже верно. Короче, тебе лучше знать, почему профессионалы говорят откровенные глупости и не замечают очевидных вещей.

– Ты с персоналом беседовал?

– Конечно. Никто ничего... У меня даже сложилось впечатление, что их кто-то проинструктировал и граждане чего-то опасаются.

– Шутишь?

– Если бы... Но это лишь мое мнение, которое не так уж много значит, как выяснилось. Я носом землю рыть не буду, а ты попробуй, если хочешь.

– Чего ж сам-то?

– А тебе Вешняков не рассказывал? Нет? Ну так спроси у него, как меня парни в костюмах уму-разуму на всю жизнь научили. Могут и сам рассказать.

– Без надобности, – вздохнула я. – Догадаться не трудно. Ладно, извини, что испортила настроение в субботний день. Отдыхай.

– Премного благодарен. – Он протянул мне сложенный лист бумаги. – Здесь краткие сведения обо всех опрошенных. Мент в списке идет первым. Далее медсестра, на нее я бы тоже обратил внимание. Ну и еще несколько граждан.

– Личность убитого так и не установили?

– Ты бы об этом первой узнала, – хохотнул Сергеев. – Нет, не установили. Хотя на предплечье у него типично уголовная наколка. И на пальце. Думаю, привлекался. И в местечке его интересном подобрали, неподалеку пивнушка, где собираются бывшие зэки. Тебе туда, конечно, лучше не соваться, но если есть кое-какие связи... Ладно, я пошел. – Сергеев пожал мне руку и направился к выходу из отделения, а я пошла разыскивать медсестру, которая дежурила в вечер убийства.

Медсестра оказалась дородной женщиной лет сорока. Я по опыту знала, как недоверчивы бывают такие тетки, и мысленно вздохнула. Однако женщина, взглянув на мое удостоверение (документы у меня имеются на все случаи жизни, иногда близость к сильным мира сего идет на пользу), приветливо улыбнулась.

– Меня уж обо всем расспрашивали. Да я и не видела ничего, если честно. Ужас-то какой, – вздохнула она. – Теперь по ночам дежурить страшно, сидишь здесь одна на все отделение.

– А почему одна? – поинтересовалась я, устраиваясь напротив.

– Так ведь людей не хватает. У нас, к примеру, вместо двенадцати сестер только девять. Вот и приходится друг за друга дежурить. Раньше разрешали по две ставки брать, так и работали, а сейчас полторы, ну и кто тут за копейки надрываться будет?

– Вчера вы тоже одна дежурили?

– Нет. До девяти мы втроем, а уж ночью по одной остаемся.

– Вы из отделения не отлучались?

– Нет. Да и незачем мне было. Татьяна иногда к соседям ходит чай пить, а я не любительница.

– Отсюда дверь палаты не видна, значит, вы не можете сказать, был охранник все время на месте или...

– Он из отделения ни ногой. Ответственный. Очень жаловался, что покурить нельзя. Мучение, говорит.

– Да, представляю. Может, он в туалет покурить ходил?

– Нет, что вы, у нас строго. И я бы запах сразу почувствовала. У меня, знаете, в семье никто не курит, так я на табак всегда реагирую.

– Значит, не курил. Но ведь парень мог выйти на лестничную клетку, а вы бы не увидели.

– Мог, конечно. Но говорю же, он ответственный. Приятель к нему зашел, так он и тогда из отделения не вышел.

– Какой приятель?

– Да откуда ж мне знать? Окликнул его кто-то.

– Вот об этом прошу вас поподробнее, – насторожилась я.

– Да о чем говорить-то, я и не знаю. Я укол делала в четырнадцатой палате, дверь была приоткрыта, я и услышала, как они разговаривают.

– Милиционер и его приятель?

– Выходит, что так. Он его назвал «Юрик». А мы уж к тому времени познакомились, и я знала, что так парнишку зовут, ну, милиционера этого. Значит, его звали.

– Почему его? Может, кого-то из больных?

– У нас нет больного с именем Юра. У меня память хорошая, я всех быстро запоминаю.

– Его мог окликнуть кто-то из больных. Ведь у вас в отделении посещение разрешено до шести, а было гораздо позднее, и посторонних в отделении быть не могло.

– Разрешено, конечно, только до шести, но, если честно, приходят и позднее, мы на это глаза закрываем, если не устраивают концертов, как на днях в одиннадцатой палате. До двенадцати часов с коньяком и песнями. Хорошо, хоть девиц не привели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.